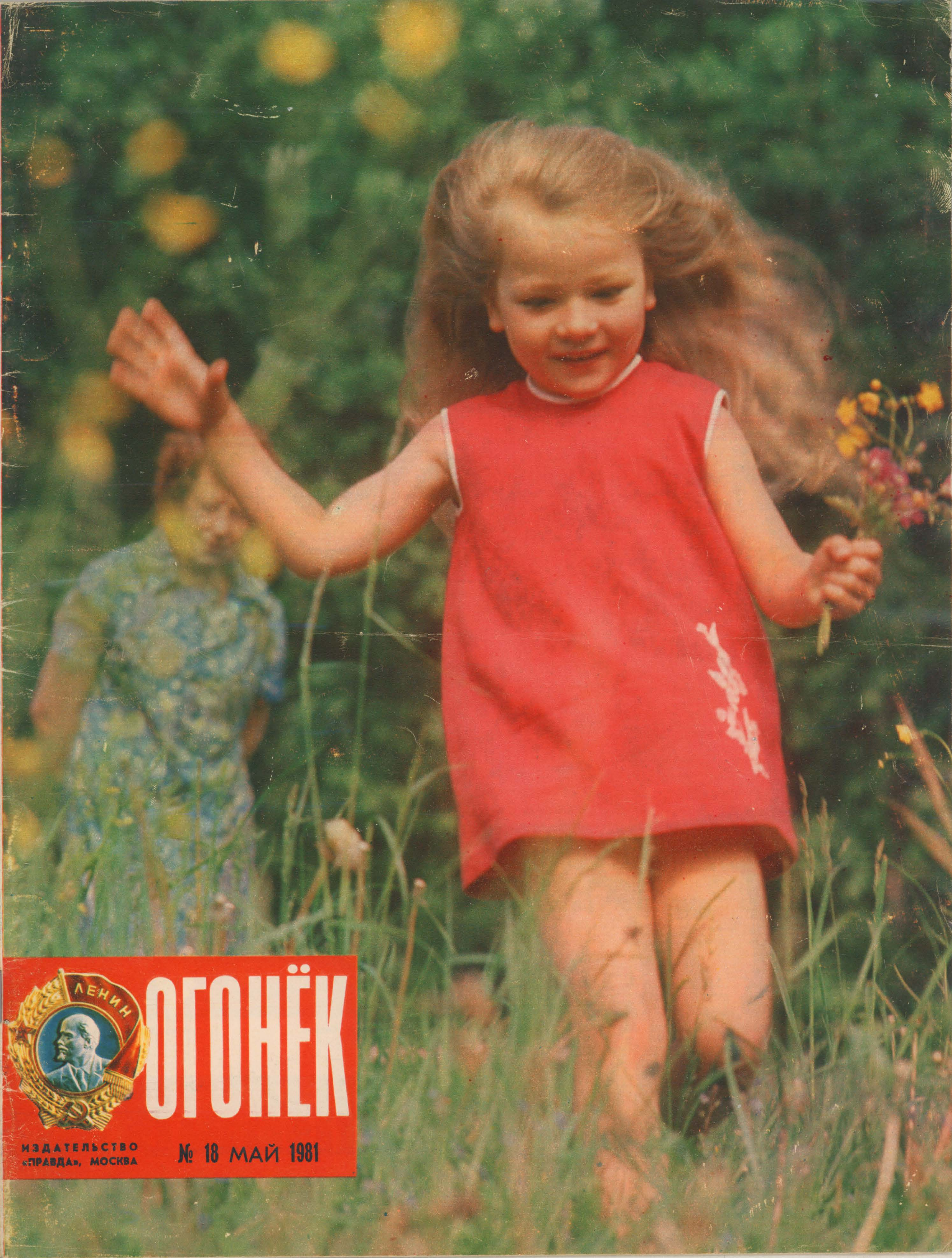

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 18 МАЙ 1981

В президиуме торжественного заседания, посвященного 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Фото Дм. Бальтерманца

СВЕРЯЯСЬ С ЛЕНИНЫМ,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2807)

2 МАЯ 1981

22 апреля в Москве в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В зале — передовики и новаторы производства столицы и Подмосковья, ветераны партии, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели науки и культуры, космонавты, воины Советских Вооруженных Сил. Присутствуют иностранные дипломаты, зарубежные гости.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили участники заседания товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

В президиуме — заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, министры СССР, секретари МГК и МК КПСС, ветераны ленинской партии, знатные труженики промышленности и сельского хозяйства, видные военачальники, ученые, представители общественных организаций.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Звучит Государственный гимн СССР.

С докладом «Сверяясь с Лениным, действуя по-ленински» выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

К. У. Черненко, в частности, сказал:

Нынешний день памяти Ленина совпал с особым периодом в жизни партии и страны, когда коммунисты, весь советский народ с энтузиазмом и энергией приступили к претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС.

Съезд со всей очевидностью продемонстрировал торжество ленинизма в конкретных делах и планах советского народа. Все, что говорилось на съезде, его установки по вопросам теории и практики коммунистического строительства, совершенствования политической системы, развития экономики и культуры, его оценки и выводы, касающиеся мирового революционного процесса и внешней политики,— все это неразрывно связано с ленинским учением. Все это воплощает в себе преобразующую силу ленинизма, его революционный дух. Вот почему мы говорим: «Ленин — с нами».

Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами.

Участники торжественного заседания стоя, с воодушевлением поют «Интернационал».

Затем состоялся большой праздничный концерт.

ДЕЙСТВУЯ ПО-ЛЕНИНСКИ

Встреча на аэродроме.

Фото Дм. Бальтерманца

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР 27 апреля в Москву с официальным дружественным визитом прибыл лидер ливийской революции, глава Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии Муамар Каддафи.

На Внуковском аэродроме М. Каддафи встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди встречавших находились секретарь народного комитета народного бюро Ливийской Джамахирии в СССР М. Х. Шаабан, главы дипломатических представительств ряда стран, аккредитованные в СССР, ливийские студенты, обучающиеся в советских вузах, представители трудящихся Москвы.

На летном поле был выстроен почетный караул представителей трех видов Вооруженных Сил СССР — Сухопутных войск, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота. Были исполнены государственные гимны двух стран.

Л. И. Брежнев и М. Каддафи обошли строй советских воинов.

Торжественная церемония встречи завершилась прохождением почетного караула.

С аэродрома Л. И. Брежнев и М. Каддафи, другие государственные деятели Советского Союза и Ливийской Джамахирии на автомашинах в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов направились в город. Улицы и площади, по которым следовал кортеж, были украшены государственными флагами Ливийской Джамахирии и СССР, приветственными транспарантами.

НЕТ МИРА ПОД КЕДРАМИ ЛИВАНА

Вот уже на протяжении нескольких лет в Ливане идут боевые действия. Они то затихают на некоторое время, и ливанцам кажется, что долгожданный мир наконец-то пришел в их исстрадавшийся край, то вдруг разгораются вновь с исступлением и неистовством, ранее не виданными.

Кто же нагнетает атмосферу ненависти и вражды в этой небольшой и древней стране Ближнего Востока? Израильская военщина совместно с ливанскими сепаратистами сеет смерть и разрушения в Ливане. Жерла сионистских орудий ежедневно выбрасывают снаряды на мирных жителей Сайды, Тира, Набатии, на лагеря палестинских беженцев, самолеты Израиля обрушивают бомбовые удары на ни в чем не повинных детей, стариков, женщин.

Наглый разбой, бандитские нападения. Однако у налетчиков нашлись защитники в лице официальных лиц Вашингтона, которые черное выдают за белое, агрессоров представляют миролюбцами. Одобренный такой поддержкой, Тель-Авив усиливает свои вооруженные провокации. Как заявил заместитель министра обороны Израиля Зиппори, Тель-Авив «не только продолжит, но и расширит масштабы» агрессивных действий против Ливана.

Положение в стране осложняется тем, что заодно с израильскими командос действуют и экстремистские правые силы Ливана, пятая колонна империалистов. Правые Ливана повязаны одной веревочкой с Израилем и выполняют ту роль, которую им определил Тель-Авив. Бандиты майора Хаддада, зверствующие на юге страны, обучены и вооружены Израилем. Крайне правая партия фалангистов Катаиб получила на вооружение от сионистских правителей танки, бронемашины, вертолеты, противотанковые ракеты. Есть сообщения печати, что для участия в боевых действиях на стороне правохристианских формирований для переброски в Ливан готовится отряд американских «добровольцев» в составе 150 человек.

Бейрут окутан дымом пожарищ и оглушен беспрестанной пулеметной трескотней, гулом от взрывов гранат. Гремят артиллерийские орудия вдоль «зеленой линии», разделяющей город на восточный — христианский и западный — мусульманский секторы.

Ни для кого не представляет секрета, что цели, которые ставят перед собой Белый дом, Тель-Авив и реакционные ливанские и арабские круги, очевидны: они хотят разделить Ливан, уничтожить прогрессивные силы страны и Палестинское движение сопротивления, стремятся вовлечь в конфликт Сирию, защитить американские интересы на Ближнем Востоке.

Ливан истомился по миру и тишине. Но пальмовую ветвь принесет не израильский «Фантом», и мир наступит не в результате предательской сделки в Кэмп-Дэвиде. Ливанский кризис может быть решен в рамках общего ближневосточного урегулирования, принципиальные основы достижения которого определены в предложениях, выдвинутых Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым на XXVI съезде КПСС.

В. ДУНАЕВ

На улицах одного из пригородов Бейрута. В результате взрыва бомбы здесь погибло два человека и ранено двадцать.

Фото ЮПИ — ТАСС

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ПЕРВОМАЙ

Мирабдул Кадыр АБАР
(Афганистан)

Много и раньше, наверное, знал
Весен чудесных наш край.
В тысячу раз стала краше весна
Вместе с тобой, Первомай!

Май, как подарок столице, принес
Флагов огромный букет.
В яркие краски тюльпанов и роз
Город весенний одет.

Лозунги мира, свободы, труда
Вывесил праздник везде.
Верю, в борьбе за них будет тверда
Воля всех честных людей.

Мы революции нашей огнем
Свет зажигаем другим.
Братским народам надежду даем
Смелым примером своим.

Без солидарности славных побед
Мы бы достичь не смогли.
В день Первомая горячий привет
Шлем всем народам земли!

Перевел с дари Ю. ВАВИЛОВ.

Трудящиеся Советского Союза! Ознаменуем одиннадцатую пятилетку ударным инициативным трудом на благо Родины!
Решения XXVI съезда КПСС — выполним!
Все для блага человека, все во имя человека!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1981 года.

Станислав ГАГАРИН

Принимали гостей из дальнего Нурека. На свердловском «Уралэлектротяжмаше» каждый визит этих друзей — праздник. Еще бы... Более десяти лет продолжается их крепкая дружба. А началась она со знаменитой «рабочей эстафеты», о которой знают теперь повсюду в нашей стране, которую подхватывают все новые и новые трудовые коллективы. Но первыми были именно они — нурекские гидростроители, уральские мастера по созданию уникальных генераторов и харьковские турбинисты.

Во время приема гостей из Нурека директор заводского музея Вера Петровна Туханова поинтересовалась:

— Как случилось, что именно с нашим заводом вы заключили договор?

Александр Кузьмич Мельников, бывший главный инженер, а ныне начальник Нурекгидростроя, улыбнулся:

— А ведь это не договор... Это союз единомышленников!

Начальник Нурекского участка гидромонтажников Валерий Ростиславович Мигуренко добавил:

— А если говорить конкретно, то все мы, нурекчане, очень благодарны вашему конструктору Константину Федоровичу Костину и его коллегам. Мы полностью, целиком доверились их опыту, знаниям — и, как видите, общее дело выиграло!

Конструктор Костин. Лауреат Государственной премии СССР, заслуженный изобретатель РСФСР, высококвалифицированный эксперт, побывавший в четырнадцати государствах Европы и Азии. Он, электросиловец, пережил блокадную зиму в Ленинграде, был отправлен на Урал и здесь остался, чтобы создавать в Свердловске электрические машины особой сложности.

Девять лет назад К. Ф. Костин, его помощник В. П. Лошкарев, тогдашний главный конструктор «Уралэлектротяжмаша» Ю. П. Глазков — сейчас он уже главный инженер завода — стояли у истоков «рабочей эстафеты». Тогда, в начале 1972 года, на заводе приступили к сооружению первого гидрогенератора для Нурекской ГЭС. И вот из Таджикистана в Свердловск пришло письмо. «Вы изготавливаете гидрогенераторы, а мы строим для них здания, фундаменты, производим монтаж,— писали бригадиры слесарей монтажников Анатолий Шильников и Максим Демко.— Давайте соревноваться. За кем будет задержка — сразу увидим...»

И свердловчане приняли вызов.

«Каков может быть наш вклад?» — рассуждали конструкторы «Уралэлектротяжмаша», возглавляемые Ю. П. Глазковым и К. Ф. Костиным. И решили: поставим Нурекской ГЭС наши генераторы не только раньше срока, но и заложим уже в конструкторском решении возможности для значительного повышения мощности гидростанции в перспективе.

Установленная мощность станции на Вахше равна 2,7 миллиона киловатт. Ее создают девять гидрогенераторов по 300 тысяч киловатт каждый. И вот в результате «рабочей эстафеты», в которую включились, кроме свердловчан и нурекчан, еще и харьковские турбинисты, Нурекская ГЭС вошла в строй на пятнадцать месяцев раньше срока, а мощность девяти генераторов увеличена до трех миллионов киловатт! Другими словами, на Нурекской ГЭС возник десятый, условный, гидрогенератор.

Ввод гидростанции раньше срока — явление исключительное. Более того, станцию удалось построить в пределах ранее установленной сметы. Эти два фактора — реальное воплощение творческого содружества работающих друг для друга коллективов.

Каков же вклад свердловчан? С самого начала они принялись создавать принципиально новую схему охлаждения обмоток статора и предложили заменить цельные проводники обмотки полыми проводниками, по которым пустить водяное охлаждение. И вот статоры первых восьми гидрогенераторов Нурека впервые в истории отечественного гидростроения оделись в «водяную рубашку». Через систему охлаждения каждый час проходит около семидесяти тонн дистиллированной воды. Новшество значительно улучшило эксплуатационные качества электрических машин, повысило их надежность.

А на последнем, девятом агрегате водяное охлаждение получил и ротор гидрогенератора. Сложная техническая и конструкторская задача была решена. И это достигнуто тоже впервые. Возник более прогрессивный тип электрической машины, таящий в себе солидные резервы для повышения мощности. Создание же водяного охлаждения для роторов генератора такой большой мощности осуществлено было впервые в мировой практике.

— Еще и еще раз убеждаюсь в том, как много дала нам «рабочая эстафета»,— говорит Константин Федорович Костин.— Вот, скажем, турбина. Без нее наш генератор — мертвое тело, тысячедвухсоттонный кусок металла. А валы турбины делают в Харькове. И вот мы везем нашу продукцию на Украину, там происходит спаривание валов турбины и генератора, а потом обе части агрегата отправляются в Таджикистан. Однажды сели мы вместе за стол и подумали: а не проще ли производить спаривание прямо на месте? Соединить эту операцию с монтажом? Надо сказать, что в функции монтажников треста «Спецгидроэнергомонтаж» это не входило... Но ведь все мы в одной упряжке «рабочей эстафеты»! Порешили: спаривать валы на монтаже. И в результате такого решения валы поступили на станцию на два с половиной месяца раньше запланированного срока. Я уже не говорю про экономию средств за счет сокращения числа перегрузок, транспортировки, упаковки, консервации, да и более высокое качество «линии вала» было достигнуто при таком варианте монтажа.

— У наших заказчиков в Нуреке — беспокойный характер,— замечает Юрий Петрович Глазков.— Зачастую они заражают нас своим стремлением сделать так, чтобы на уникальной гидростанции работало в основном уникальное оборудование. Конечно, мы в стороне не остаемся... Помните, Константин Федорович, как мучил нас Мельников с требованиями создать новую систему возбуждения?

— Ну, как же,— отзывается Костин,— и правильно делал! Не отстал от конструкторов, пока не добился своего...

Раньше «Уралэлектротяжмаш» поставлял машины с системами возбуждения на ртутных выпрямителях. Выпрямители эти громоздки, неудобны в эксплуатации, ядовиты для окружающих. Александр Кузьмич Мельников предложил снабдить машины системами возбуждения на тиристорах. Для сравнения — ртутный выпрямитель весит 300 килограммов, а тиристор — только полкило. И обслуживать такую систему не нужно. Только вот раньше завод не занимался тиристорами. Но Мельников настоял. Что ж, сделали так, как требовал заказчик, а теперь уже сами не представляют себе, как могли они раньше заниматься ртутными «самоварами».

Во время последнего визита нурекчан в Свердловск, к своим друзьям, создателям электрических машин, глава монтажников Нурека Валерий Мигуренко сказал, обращаясь к гостеприимным хозяевам:

— Там, на реке Вахш, мы постоянно думаем о вас. Мои товарищи просили передать вам искреннюю благодарность за самое главное, что так плодотворно объединило нас,— понимание. В итоге между монтажом первого и последнего агрегата — полторы сотни конструкторских улучшений и как венец нашей дружбы — десятый, не существующий в природе, но дающий энергию агрегат. А еще говорят, что энергия из ничего не возникает! — пошутил он.

...Вместе с К. Ф. Костиным идем под сводами гигантского цеха. На одной стороне его собираются огромные электрические машины, на другой идет обработка крупных деталей карусельными станками.

Уважительно и бережно трогаю рукой окрашенную поверхность статора, изготовленного уже для новой ГЭС Вахшского каскада — Байпазинской.

«Рабочая эстафета» продолжается...

Свердловск — Москва.

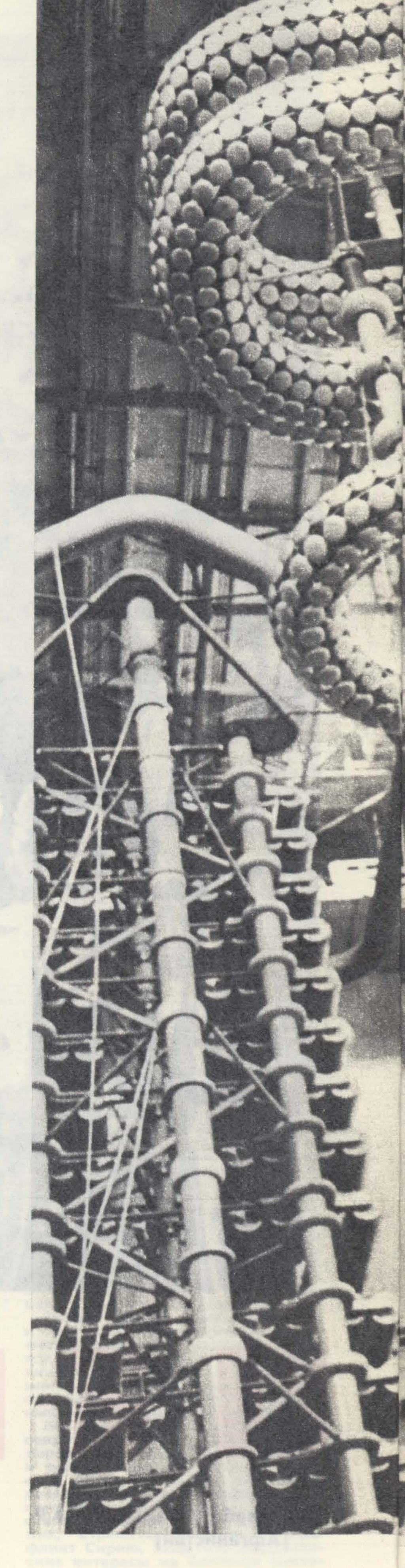
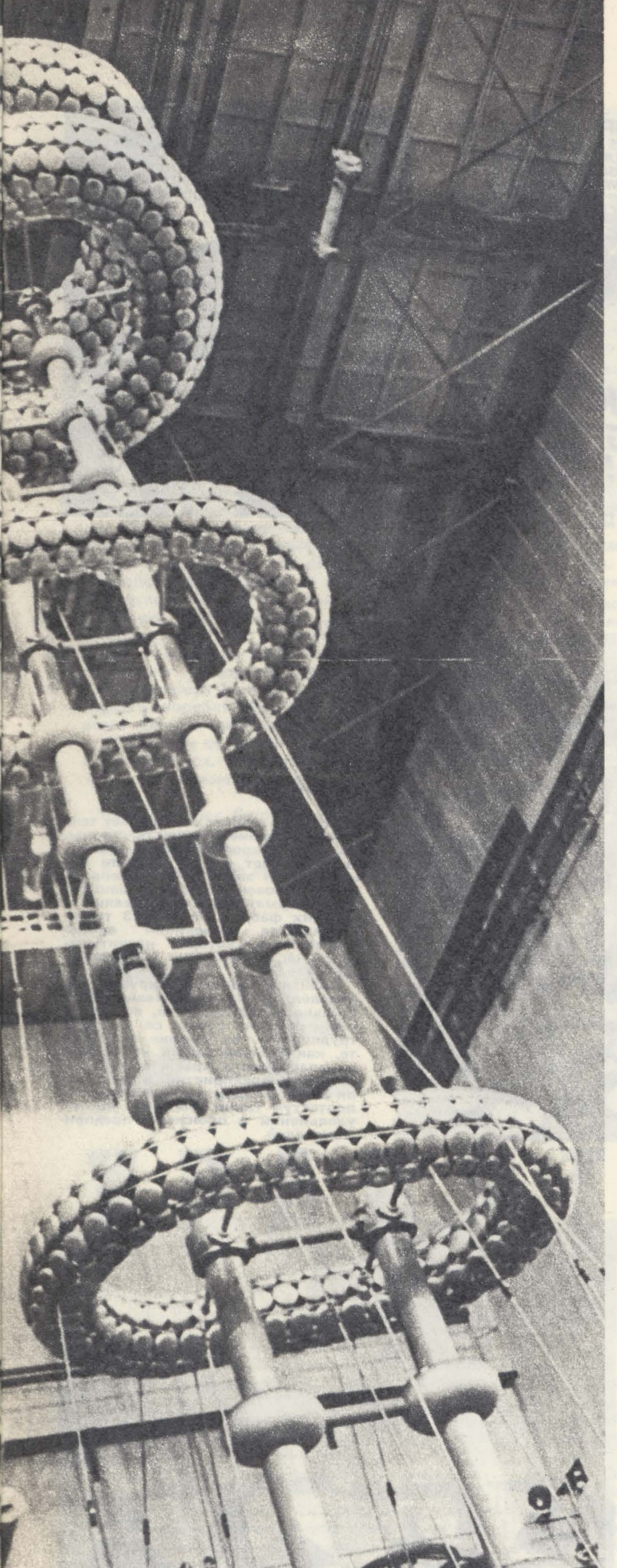

Фото Г. КОПОСОВА.

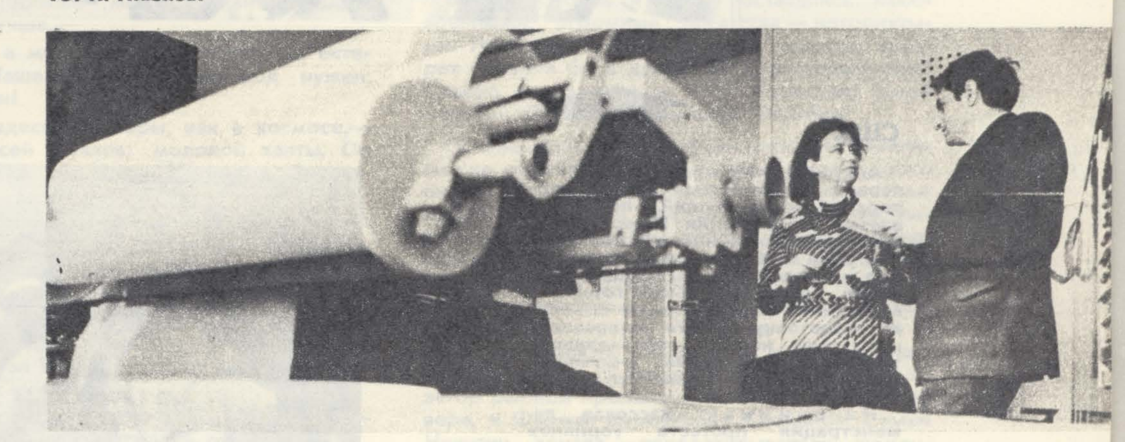

Здесь располагается сверхвысокий измерительный комплекс.

Секретарь парткома «Уралэлектротяжмаша» Ю. В. Ильин и главный инженер Ю. П. Глазков.

Идет обработка материалов на вычислительной машине... Инженеры Л. А. Феодосьева и Е. С. Эльберт.

Бригадир токарей-карусельщиков В. П. Брезгунов, токарь-наставник, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР С. А. Топорков и заместитель главного конструктора лауреат Государственной премии СССР К. Ф. Костин.

ЯТЫЙ АГРЕГАТ

США

Американские шахтеры идут в первых рядах борцов против корпораций и монополий, подчеркивается в заявлении Генерального секретаря Коммунистической партии США Г. Холла, который выступил в поддержку бастующих горняков. Свыше 160 тысяч горняков в двадцати штатах страны объявили забастовку, требуя от предпринимателей нового справедливого трудового соглашения, учитывающего нужды и чаяния трудящихся.

На снимках: массовая демонстрация протеста горняков Аппалачей в Вашингтоне против сокращения администрацией Белого дома ассигнований на социальные программы; горняки Западной Вирджинии покидают шахту перед началом забастовки.

ФРАНЦИЯ

Тяжелый кризис переживает текстильная промышленность страны. По данным профсоюзов, за последние семь лет в этой отрасли национальной экономики уволено 70 тысяч человек. Только в прошлом году закрылись десятки мелких и средних фабрик. Более 13 тысяч трудящихся пополнили армию безработных, которая насчитывает сейчас во Франции 1,7 миллиона человек.

Политика правящих кругов, направленная на свертывание текстильного производства, встречает решительный отпор со стороны трудящихся. На снимке вы видите, как рабочие одной из фабрик в департаменте Арьеж заняли помещение предприятия и построили перед входом стену из камней, протестуя таким образом против увольнений и произвола предпринимателей.

Фото ТАСС

ИТАЛИЯ

Марш на тракторах по центру итальянской столицы организовали фермеры и сельскохозяйственные рабочие страны. Они выступают против аграрной политики «Общего рынка», которая наносит серьезный ущерб сельскому хозяйству Италии.

ФРГ

За мир и мирный труд, против угрозы войны, против присутствия американских ядерных ракет на земле ФРГ выступает эта девушка, шагающая в рядах западногерманских сторонников мира. Вместе с тысячами своих сограждан она стала участницей митинга, состоявшегося в Бонне по призыву Комитета за мир, сотрудничество и разоружение, Немецкого союза мира и Германской компартии.

СЕВЕР — ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

Юван ШЕСТАЛОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького

Давным-давно в долгую зимнюю ночь у очага дедушка любил загадывать мне загадки:

— Рядом с человеком идет, а его не видно. Что это такое?

— Не знаю,— отвечал я.

— Время,— тихо подсказывала бабушка, вышивавшая орнамент на шубе из оленьего меха.

— Все оглядываются на время,— продолжал дедушка,— только время ни на кого не глядит. И все же: всему свое время. И снегу и дождю. У каждого плеса реки свое эхо. У каждого времени — своя песня, свой шаг.

Особо остро ощутил я шаги времени на тюменском Севере. Там они особые, эти шаги. Почти фантастические. Шаг охотника по большому снегу на широких лыжах, подбитых лосиным камусом. Шаг оленьей упряжки. Быстрый шаг грузовика. Стальной шаг поезда. Шаг крылатого оленя — самолета. Шаг космического корабля. Вот что видели северяне всего одного поколения. И я тому свидетель.

...На белом снегу три черных дымка. Дымки не шелохнутся. Морозно, но ветра нет. Три чума стоят белые, как снег.

Как море снег. Сугробов гребни
Лежат загадками вдали.
А чум как бы старик волшебник
В оленьей шкуре до земли.

Снег большой. К небу уходит. В небе белые облака. На снегу олени. Оленей много. Рога их, как лес, колышутся. А леса нет. Тундра. Большая, ровная земля. Земля уходит в небо. Небо сливается с землей.

— Как в космосе!— вздыхает Вячеслав Дмитриевич.

Вячеслав Дмитриевич Зудов — космонавт. Мы с ним прилетели сюда на вертолете. Он впервые видит оленей. Смотрит. Вижу, глаза его удивляются. И остроконечному чуму, похожему на космический корабль, и лайкам, которые вьются у ног, радуясь встрече, и людям в малицах из оленьего меха... Люди крепко жмут руку космонавта, приглашают гостей в чум.

Первым встретил нас Алексей Иванович Терентьев, бригадир Салехардского совхоза. И его сыновья, Василий и Прокопий. Сыновьям недавно перевалило за двадцать лет. Но они уже давно оленеводы, можно сказать, с первого самостоятельного шага. Старший, Прокопий, отслужил в армии. После службы вернулся в тундру. Женился на хантыйской девушке Таисье. Она зоотехник. Окончила зооветеринарный техникум в Салехарде.

В самом светлом углу чума, устланном шкурами с причудливыми узорами, раздался детский плач.

— Это наш сын, Женя,— с гордостью сказала молодая женщина, устремляясь к колыбели, как птица к гнезду.

— Кем он будет?— спросил я полушутя.— Может, космонавтом?

— Может, и космонавтом!— с улыбкой сказала довольная мама.— А может, оленеводом!..

В углу стояли маленький транзисторный приемник, магнитофон, небольшой телевизор.

— А вы не скучаете по городу? Ведь учились там... Привыкли...

— А еще больше мы привыкли к тундре. Здесь нам лучше...

Кому как, а мне этот ответ показался естественным. Нашему Северу оленевод нужен. Ой как нужен!

— У нас здесь просторы, как в космосе,— сказал Алексей Оззлов, молодой ханты. Он тоже оленевод. Но новый оленевод. Зоотехник.

На нашем низеньком столе дымились нежные оленьи языки, краснела оленья печень, светились перламутром стружки строганины из нельмы...

— Самое мое яркое впечатление после космоса,— это тундра, просторы Заполярья,— задумчиво сказал Вячеслав Зудов.— Есть в тундре что-то космическое...

Да, на Севере, в стране белых ночей и черных дней, природные условия особые.

Зимой тундра и тайга превращаются в сплошное море снега. И тогда земля становится совсем безграничной, сливаясь с белыми просторами Ледовитого океана. Белое небо, белая земля. Белый медведь, белый песец, белый горностай, белый заяц. Белое зверье бродит по белому Северу. Белая сова, белая куропатка. Белые птицы летают по белому Северу. И человек надевает белую шубу из оленьего меха.

Разыгрывается вьюга. Бешено мчится ледяной северный ветер и гонит по земле тучи сухого, колючего снега. Все живое спешит укрыться. Звери зарываются в снег. В занесенном снегом чуме северянин находит спасение от пурги. Путник, которого вьюга застигла в тундре, отдается на волю своих оленей. А они уже беспокоятся и сами убыстряют бег. Мчится по снегу легкая нарта, а сзади встают серые тени и тянутся к небу...

Север... Каким мужественным, человечным должен быть тот, кто приспособился к нему. А ведь коренной северянин века и века жил в таких условиях, труднее которых человеку, кажется, невозможно и представить. Полярная ночь, мороз, болота, комарье... Уже сама жизнь здесь — подвиг. Но от сопок Кольского полуострова до льдов Чукотки с самых древних времен жили саами, ненцы, манси, ханты, эвенки, юкагиры, чукчи, эскимосы... Двадцать шесть малых народов, как сказал поэт, «наивные, как миф, и опытные, как нужда», не только выжили, но и создали самобытную культуру.

Однако хозяйственная деятельность человека на огромных просторах Севера протекала на очень низком уровне производительности труда. Охота, рыболовство, оленеводство, собирательство... Примитивная техника ведения хозяйства. Большинство малых народностей здесь не знало ткачества, многие — гончарного круга, некоторые — обработки металлов.

Веками Сибирь и Север оставались неосвоенными, огромные богатства — нетронутыми. Необходима была великая энергия, которая привела бы в движение дремлющие силы Севера и дала толчок к их развитию. Такой могучей силой стал Великий Октябрь.

Помню день, когда труженики Ханты-Мансийска отмечали 50-летие своего автономного округа. К геологам Самотлора, к добытчикам нефти, строителям приехали гости — участники гражданской войны, первые учителя, врачи, партийные и советские работники, принимавшие участие в становлении этого таежного края. В президиуме сидели убеленные сединой Аркадий Николаевич Лоскутов, открывший в 1928 году первую мансийскую школу на реке Сосьва, и Петр Николаевич Загваздин, организатор рыбной промышленности на обском Севере, и Фарман Курбанович Салманов, Семен Никитич Урусов — первооткрыватели тюменской нефти.

Для нас каждый из этих людей особенно дорог потому, что самое трудное в жизни выпало на их долю, на долю зачинателей. И всем, что имеем, чем гордимся сейчас, мы обязаны им, нашим старшим товарищам.

Недавно я получил письмо из Усть-Ишима Омской области, взволновавшее меня...

«Ваня, это письмо пишет тебе Мария Михайловна Тищенко (до замужества Бизина), первая учительница школы взрослых. В 1939—1940 годах я работала в юртах Камрадка. Это значит, где ты родился. У тебя осталось что-нибудь в памяти о годах детства? Я уже сама точно не помню, сколько тебе было лет. То ли три, то ли четыре года. И вот до сих пор представляю тебя таким маленьким. Твоя мама брючки тебе шила из зеленого материала, как галифе. А няры (сапожки мансийские) шила очень красивые, бисером разукрасит. А ты все бегал ко мне на квартиру... То тетрадь тебе нужна, то карандаш. Все время ходил ты с букварем. Такой маленький, забавный. Один карандаш за одним ухом, другой — за другим. Так делал твой отец Николай Тимофеевич... У меня до сих пор хранится маленькое фото с Николаем Тимофеевичем.

Твою маму научила я печь булочки. И сама пекла в вашей русской печке. Она одна была на всю деревню...

Да, уже сорок лет, как я уехала оттуда, но все до сих пор остается в памяти...»

1940 год. Значит, в нашей деревне уже была открыта школа. И создан колхоз. Мой отец — председатель. Он ссорится с дедушкой, требуя сдать в колхоз лошадь, корову, собаку и бубен...

Это время шло уже на моих глазах. Помню первый новый дом не с мансийским чувалом (полупечь-полукостер), а с русской печью, первую борозду колхозного огорода, первую моторку. Помню первый крик земли сибирской о своих кладовых огня и света.

В осеннюю ночь 1953 года, когда Березово (где когда-то опальный князь Меншиков отбывал ссылку) заговорило газовым фонтаном, автор этих строк был учеником десятого класса. Рядом с нашей школой стояла гудящая буровая вышка, которая зимой превращалась в искристую 40-метровую гору. Гора гудела так, будто замурованные духи земли вырывались на волю. На километры слышен был этот гул. Потом о тюменской нефти и газе услышит весь мир; стремительное освоение месторождений нарекут «сибирским ускорением». Вот шаги этого ускорения:

Сентябрь 1953 года — открыто Березовское газовое месторождение.

Июнь 1960 года — открыто Шаимское нефтяное месторождение.

Декабрь 1965 года — пущен в эксплуатацию первый нефтепровод Шаим — Тюмень.

Апрель 1966 года — открыто движение по железной дороге Ивдель — Обь.

1971 год. Дал ток первый энергоблок Сургутской ГРЭС.

Декабрь 1975 года — пущен в эксплуатацию Нижневартовский газоперерабатывающий завод № 1.

День и ночь, как мамонты живые,
По земле шагают буровые,
Как упряжки длинные оленьи,
Мчатся газопроводы в селеньях,
Сквозь леса и тундру, через горы,
Через злые топи Самотлора,
Ты огня хранитель, славный Север,
Наш прекрасный белый-белый Север.

Только какими бы сказочными кладами ни поражала воображение эта стылая земля, а чудо, сотворенное русским учителем, врачом, советским работником, навсегда останется одним из главных чудес чародея Севера... Благодаря колоссальной энергии и труду русских братьев на Севере вырос новый человек.

Люди Севера... Хочется поведать об одной человеческой судьбе. Рассказать о Екатерине Ивановне Мухиной. Она, дочь хантыйского охотника, стала врачом и государственным деятелем, членом Президиума Верховного Совета СССР.

Родилась Екатерина Ивановна в тайге, в крае, известном ныне миру своей нефтью... Тогда о нефти и не помышляли. Олени, соболи, белки — вот главное занятие семьи. Семья была большая. Отец умер еще до рождения Кати. Умерли и братья. Остались четыре сестры. Шаман был бессилен против болезней. Врачей в тайге не хватало. Может, потому маленькая Катя еще в интернате помышляла о борьбе со злым духом смерти? Советская власть, учителя пошли навстречу мечте таежной девушки: после седьмого класса коллектив педагогов написал в Ханты-Мансийск, в округ, письмо с просьбой помочь девушке продолжить образование. Девушку направили в Омск на подготовительное отделение для народностей Севера. Жила она в общежитии, с земляками, как в большом и теплом чуме.

На каникулах девушка уходила на промысел,— удачливой была охотницей, рыбачкой... А осенью снова ученье. И наконец, возвращение на родину, в нефтяной Сургут, врачом, хирургом.

За самоотверженный труд, за внимание к людям, заботу о них жители нефтяного Приобья избрали Екатерину Ивановну депутатом в советский парламент... И эту высокую честь Екатерина Ивановна Мухина понимает как еще одну обязанность, которую, как и другие, надо выполнять и по старым законам Севера и по законам новой жизни.

Размышляя о прошлом, яснее видишь настоящее. Окинешь внутренним взором далекие годы, когда первые посланцы партии в снегах открывали школы, больницы, задумаешься о сегодняшнем дне тайги и тундры, где рядом с оленьими стадами идет железное «кочевье» нефтяников и газовиков, и снова ощутишь стремительность нашей жизни, грандиозность планов партии.

— Сейчас, после XXVI съезда КПСС, подводя итоги сделанному,— говорил Владимир Сергеевич Петров, первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии,— мы стремимся осознать то ценное в своем опыте, что необходимо развить далее, анализируем недостатки, которые должны быть устранены. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» намечается увеличить добычу нефти (с газовым конденсатом) к концу одиннадцатой пятилетки до 620—645 миллионов тонн. Видное место в Основных направлениях отводится развитию топливных, энергетических и сырьевых отраслей народного хозяйства, являющихся ведущими в экономике округа. В предстоящей пятилетке нам необходимо высокими темпами развивать нефтяную промышленность, электроэнергетику, строительство, сельское хозяйство, транспорт, сферу обслуживания.

Но для успешного освоения природных богатств очень важна своевременная поставка материалов, оборудования, металлоконструкций, труб, буровой техники, машин и механизмов. Почти все это изготовляется за пределами Тюменской области. Зачастую несогласованность между ведомствами ведет к простоям...

Мы обращаемся ко всем министерствам, строительным организациям Москвы, Ленинграда, всех республик работать четко, с сибирским ускорением. И главное — поставлять качественную продукцию...

Мы на Севере стараемся работать по максимуму. Стараемся брать не числом, а умением. И первоклассной техникой. Автоматы уже сейчас находят в нашем краю самое широкое применение: автоматические метеостанции, высокомеханизированные и автоматизированные предприятия нефтяной и газовой промышленности, Сургутская ГРЭС, работающая на попутном газе. Прообразом будущего служат современные производства Самотлора...

Владимир Сергеевич говорил о нефти, газе, о скоростях строительства. А я думал еще и о тишине леса, о зверях и птицах. О полноводной Оби нашей думал, о живой, полной рыбы Сосьве, по которым мне нынешней осенью посчастливилось проплыть тысячи километров.

Я знаю, что суровая северная земля легкоранима. Малейшие нарушения ее равновесия ведут к цепной реакции. И потому я не раз обращался к первопроходцам, преобразователям:

Газ становится огнем,
Все сметая на пути.
Если с ним шутить начнем —
Лес, прощай! Трава, прости!
Если нефтью Обь залить —
Язь, прости! Осетр, прощай!
Можно ль Родину любить,
Не щадя родимый край?
Пусть же будет нефть и газ,
Лес и речка с серебром!
Наши внуки вспомнят нас.
Пусть же вспомянут добром.

И словно отвечая на мои мысли, Владимир Сергеевич говорит:

— Главное для нас сейчас — это комплексное развитие всех отраслей хозяйства. Добывая нефть Самотлора, сооружая трансконтинентальные трубопроводы и дороги, мы в то же время стремимся сохранить рыбу, лес, развиваем пищевую промышленность и сельское хозяйство. И все это мы должны получать с наименьшими затратами. Первоочередные вопросы ныне — это вопросы качества, хозяйственного подхода к богатствам земли...

Мы понимаем несказанную ценность Обь-Иртышского бассейна. Это действительно чудесный дар природы. Лена, Енисей — тоже великие реки, но ведь рыбы в них в двадцать раз меньше, чем в Оби. И какой рыбы! Муксун, осетр, стерлядь, нельма, сырок, сосьвинская сельдь. Мы должны не только сохранить деликатесный цех страны, но и приумножать его. Каким образом? С помощью рыбоводства. Наша главная цель: поставить рыбоводство на индустриальную основу. Но у рыбников техники маловато... Надо сломить ведомственную разобщенность...

Смысл последних слов я понял лишь при встрече с рыбаками. Директор Березовского рыбокомбината Василий Афанасьевич Новоселов не без гордости сказал, что последний год пятилетки рыбаки комбината потрудились славно. Но не утаил и того, что мешает дальнейшему подъему рыбной промышленности Березовского района, где когда-то заговорил первый газовый фонтан Сибири.

— Наша главная задача на будущее,— говорил Василий Афанасьевич,— полнее использовать глубинные водоемы. Однако эти хорошие намерения пока не подкреплены ни материально-технически, ни научно.

Глубинные водоемы сильно удалены и от населенных пунктов и от основных водных магистралей, поэтому добывать там рыбу невозможно без вездеходов. Однако такой техники нет ни в колхозах, ни на рыбокомбинатах. А в районах неосвоенных водоемов находятся крупные предприятия: Сосьвинская и Приполярная компрессорные станции, обладающие мощной технической базой. Могли бы они с нами поделиться. Конкретная просьба к Министерству газовой промышленности, Министерству строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности: пожалуйста, выделите рыбникам восемь вездеходов и помогите построить близ поселка Сосьва базу сбора икры. Газовикам, строителям газопровода нетрудно построить эту базу, техника-то у них мощная...

Не стоит забывать и о том, что Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик требуют вести строительство компенсационных объектов силами заказчика нефтегазопровода, притом в сроки, предшествующие завершению строительства основного объекта. О компенсационном строительстве министерствами говорится также в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 августа 1978 года «О мерах по дальнейшему развитию рыбоводства и увеличению вылова рыбы в пресноводных водоемах страны».

Вопросы компенсации ущерба, нанесенного рыбному хозяйству развивающейся промышленностью, должны решаться незамедлительно. Ведь речь идет о сохранении рыбных запасов Обского бассейна, который содержит более 70 процентов сиговых рыб нашей страны.

Рыба. Нам, северянам, без нее никак нельзя. Да и кому она не нужна? Значит, и к рыбе требуется такой же государственный подход, как к нефти и газу. К этому мы и стремимся в нашей деятельности.

У каждого времени своя песня, свой шаг. Мы вступили в новую, одиннадцатую пятилетку, которой предстоит стать этапом резкого повышения эффективности производства, этапом новых социальных достижений.

Мы живем в доброе время. Время созидания. Время большой работы.

ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

Художник А. Шилов

НЕБЕСА И ЗЕМЛЮ УКРАШАЕТ

Фазу АЛИЕВА

МЕНЯ ТЫ УЗНАЛА

Меня ты узнала, родная земля —
Ущелья, пещеры, источники, скалы,
Я — камешек твой, я — росинка твоя,
Я снова тропинку к тебе отыскала.
Как звонко и радостно дышится здесь,
Как смело вхожу я в объятья природы —
Босая, простая, такая, как есть,
Какою была в невозвратные годы.
Девчонкою здесь я росла озорной
И, в горном лесу заблудившись однажды,
Журчавшей под мхом родниковой струей
Сумела спастись от мучительной жажды.
А как-то, когда бушевать начала
Гроза и ударила молния близко
И тополь сухой повалила, зажгла,
Я лишь хохотала от радости риска.
Когда же, грозою зажженный, полез
Огонь через поле — с внезапною силой
Я бросилась пламени наперерез
И мокрою курткой его погасила.
Огонь погасила — скирду сберегла,
Колосья спасла от пожара, от пепла,
Чтоб чьи-то труды не сгорели дотла,
Чтоб радость земная не гибла, а крепла!
Меня ты узнала, родная земля,
Чьи травы и ветры знакомы и сладки,
Я так же, как в детстве далеком, твоя —
От мокрых ступней до серебряной прядки.
Лишь глубже горжусь я твоей красотой —
Скалой, водопадом, тропинкою каждой —
И вместе с тобою пить ветер и зной
Сегодня готова с утроенной жаждой.
Но если гроза над тобой загремит
И молния злая обрушится близко,
И поле зажжет, и клубами затмит
Полуденный блеск лучезарного диска,
Опять брошусь пламени наперерез,
Колосья спасу от пожара и пепла,
Чтоб жадный огонь на пшеницу не лез,
Чтоб радость земная не гибла, а крепла!

СЛОВО О РОДИНЕ

Все то, что нашу жизнь с рожденья окружает,
По-разному любовь и радость выражает.
Вот осень щедрая стучится у ворот —
Колосьев и плодов корзину к нам несет.
Вот пронеслась зима — пора седых метелей,
Ручьи, сбегая с гор, псалмы весне запели,
И жаворонок взмыл, посевы пробудив,
Над полем зазвенел заливистый мотив...
Да, все, что небеса и землю украшает,
По-своему любовь и радость выражает.
Фиалка — запахом, тюльпан — живым огнем,
Снег — жгучим холодом, а солнце — жарким днем,
Гроза — дождем, река — волной, звезда — лучами,
Сады — плодами, луг — цветами, льды — ручьями,
Лес — перекличками неугомонных птах,
Заря — знаменами на тучах и хребтах...
А я свою любовь — любовь к родному краю —
Всей радугою чувств и мыслей выражаю:
Улыбкой, нежностью, надеждой, добротой,
Стихами звонкими, восторгом и тоской
И всем, что на душе — мечтой, слезой, строкою,—
Делюсь, как с матерью, с родной моей страною...
Но если грянет гром над мирною долиной,
Все силы соберу в груди моей орлиной
И, преграждая путь смертельному огню,
Отчизна, твой рубеж собою заслоню!

ВСЕ В ДУШЕ МОЕЙ СМЕШАЛОСЬ...

Все в душе моей смешалось:
Горы в пропасть провалились.
Пропасть вздыбилась горами,
Вспять потоки устремились,
Волны в скалы превратились,
Скалы — в яростные волны,
А деревья вверх корнями
Тянутся к сверканью молний.
Будто рухнувший обломок,
Покатилось сердце в бездну,
И казалось: в тьме потока
Навсегда теперь исчезну,
Но ладьею всплыло сердце,
Словно из пучины смерти,
Закружилось, будто щепка
В беспощадной водоверти.
Все в душе моей смешалось,
Грозным морем стали чувства,
И беспомощною лодкой
По крутым волнам мечусь я.
Как смирю свое безумье —
Этот паводок весенний?
Где найду теперь опору,
Где найду теперь спасенье?
Гром грохочет, будто с маху
Молот бьет по наковальне,
Но в кольце безумной бури
Различаю берег дальний.
Как он тверд в прибое буйном
Этих мук, тревог, волнений,
А над ним сияет в тучах
Луч, не знающий сомнений.
Все в душе моей смешалось —
В ней гроза, тайфуны, ливни,
Но желанный берег вижу
И сквозь тучи — луч призывный.
Этот берег — сердце друга,
Берег прочный и счастливый,
А над ним звездою светит
Взор правдивый, справедливый.
Так открой мне настежь двери,
Как в спасительную заводь,
В этом море чувств смятенных
Силы нет одной мне плавать.
Разреши усталой лодке
К берегам твоим приникнуть,
Дай доверчивому сердцу
К сердцу твоему привыкнуть...

КАЖДЫЙ ЛЮБЯЩИЙ — ПРОМЕТЕЙ

Ты на что ж надеялся, милый?
Неужели и вправду ждал,
Что любовь — это луг весенний,
А не трудный, крутой перевал,
Что, как жаворонок беспечный,
В небе счастья будешь кружить?..
Нет, мой друг, чем любовь прекрасней,
Тем трудней ее заслужить.
За большое и плата большая,
Ведь недаром же Прометей
Столько выдержал мук жестоких
Ради солнца грядущих дней.
Но и в хищных когтях страданья
Знал бунтарь, что с этого дня
Станет людям светлей и теплее
От добытого им огня.
Ты на что ж надеялся, милый?
Неужели и вправду мнил,
Что огонь моих чувств похитишь,
Не отдав своих лучших сил?
Я — как молния шаровая,
Ты бы взять ее в руки смог?
Мое сердце — восторгов, мучений
И страстей огневой клубок.
Нет, не жертвуя, не сражаясь,
Не страдая, любить нельзя!
Пусть бесчинствуют злые боги,
Потушить наш огонь грозя.
Будь не жаворонком весенним,
Будь орла наших гор смелей,
За огонь похищенный бейся:
Каждый любящий — Прометей!

ШИПОВНИК

На свете, я слышала, столько цветов,
сколько и разных женщин,
И каждой женщине тайный дар
одним из цветков завещан.
Я чуть суеверна, как всякий поэт,
и многому верить готова,
Одно бы узнать: если вправду свой род
беру я с цветка, то с какого?
О нет, прародительница моя
не роза — владычица сада,
Пускай ей хвалу поют соловьи,
мне этой услады не надо.
Фиалки, ромашки и васильки,
и клевер, и мак, и мята
Не мне подарили свою красоту
и хмель своего аромата.
Пожалуй, похожа я больше всего
на крепкий шиповник колючий:
Упрямо цвету я — какою грозой
и зноем меня ни мучай,
А осенью поздней, когда вокруг
пожухлые листья лягут,
Все летние соки умею сгустить
в багряные капли ягод...
Когда же во тьме, за промерзшим стеклом
снаружи метель закружит
И станет, любимый, сносить все трудней
порывы январской стужи,
К тебе я приду не букетом роз,
не пламенным их молебном —
Настоем шиповника, терпким глотком,
живящим, душистым, целебным.

ОРЕЛ В ЗООПАРКЕ

Нет, это не орел — лишь тень орла,
и пусть над ним блистает полдень яркий,
Он не взлетит, зевакам напоказ
он прозябает в клетке, в зоопарке.
Померк его когда-то острый взор,
тугие крылья тряпками обвисли,
И пробуждает жалкий вид его
не гордые, а горестные мысли.
Ладонь над грудью трепетно держу —
прислушиваюсь к ноющему сердцу:
Болит оно и просит у меня
открыть орлу заржавленную дверцу.
Но никогда, я знаю, никогда
крылатый узник в небо не рванется:
Здесь он живет, томится и умрет,
как в глубине угрюмого колодца...
В горах я родилась — и с юных лет
орлов я навидалась настоящих,
Там ледники в туманах, как чалмы
почтенных стариков, кальян курящих,
Там к небу поднимаются орлы
легко и плавно, словно без усилья,
В грозу и зной, свободны и горды,
парят бесстрашно, распростерши крылья.
Но не гнушайтесь пленником-орлом,
что прозябает, в тесной клетке мучась,—
Хоть он и заточен, но тоже горд
и гордо сносит роковую участь.
Наверно, оттого он так грустит,
что видит не утесы и не бездны —
Бетонные обломки вместо скал,
а вместо водопада — кран железный.
Ладонь над грудью трепетно держу —
прислушиваюсь к затаенной боли:
Не может сердце свыкнуться — болит
при виде гордой вольности в неволе!
Нет, это не орел — лишь тень орла,
задумайтесь, вглядитесь и поймете:
Как плуг прекрасен в поле, меч — в бою,
так и орел прекрасен лишь в полете.

Перевел с аварского С. СЕВЕРЦЕВ.

Урок живописи.

ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ХОРО

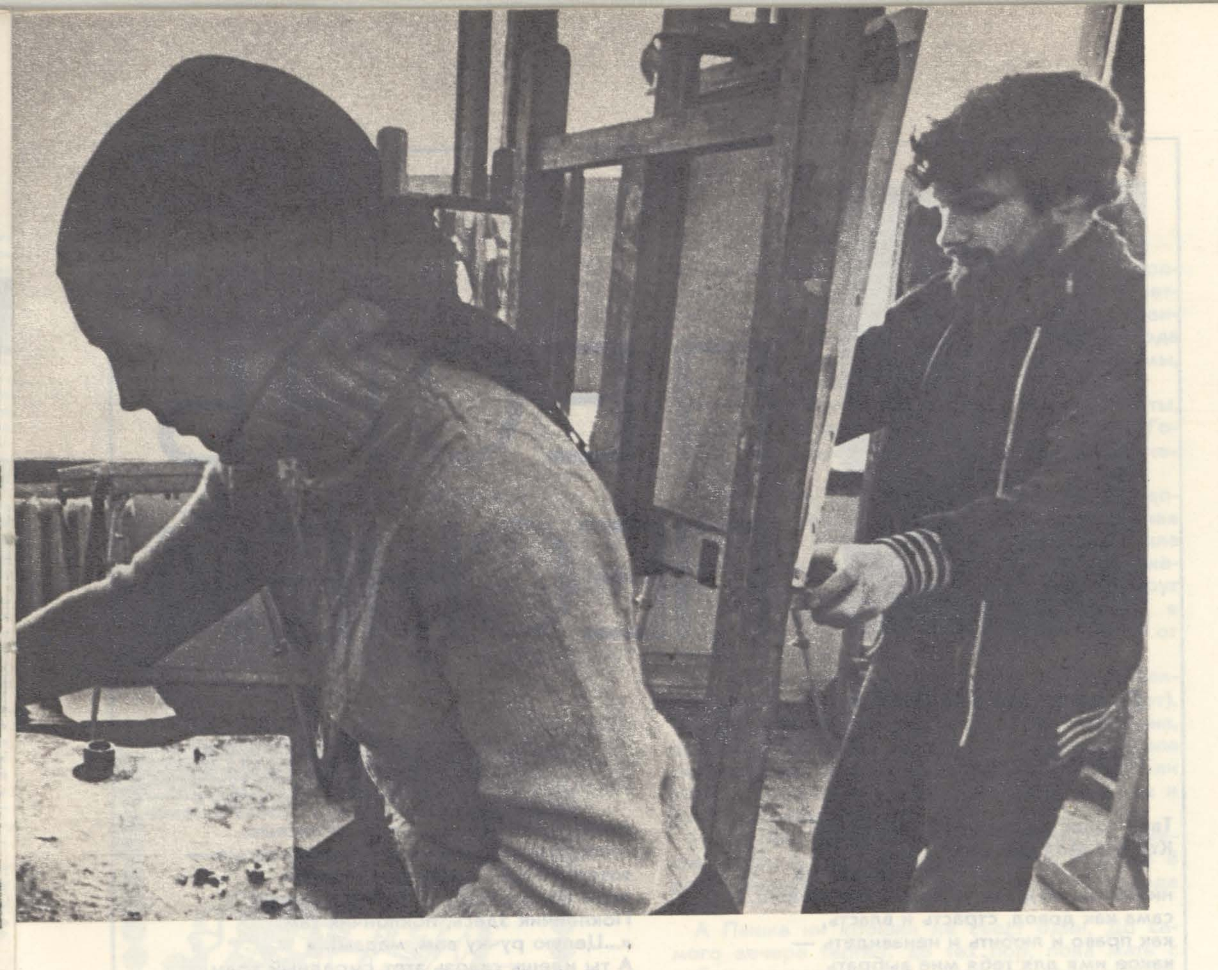
Фотонабор — самая молодая отрасль полиграфии.

Ректорат обсуждает учебный план.

Идут занятия по технологии набора.

шую книгу...

Т. ТРОИЦКАЯ
Фото А. БОЧИНИНА

На берегу пруда, в живописном уголке Москвы стоят высокие современные корпуса, построенные в виде большой раскрытой книги. Форма зданий будто напоминает, кто учится здесь, в Московском полиграфическом институте. Все, что мы видим на полках книжных магазинов — произведения советских и зарубежных писателей, толстые тома классиков литературы, журналы и художественные альбомы,— сделано руками выпускников института. От их мастерства и таланта зависит внешний вид книги или журнала, как подан текст,— то, что называется версткой, игрой шрифтов. Воспитанники полиграфического — а их почти 28 000 — словно бы наши друзья, потому что нет нынче ни одного дома, где бы на почетном месте не стояли книги; а ведь книги, журналы, газеты — это плод творчества технологов, механиков, редакторов, оформителей...

— Во всех издательствах, типографиях и книжных магазинах страны трудятся те, кто с помощью наших профессоров и преподавателей стал мастером книжного производства, кто научился не только делать книгу, но и умело ее пропагандировать читателям,— говорит ректор Московского полиграфического института, доктор технических наук Петр Николаевич Волков.

...Раньше грамотных специалистов по книгопечатанию недоставало стране. Институт был небольшим, не хватало учебных пособий, а по некоторым дисциплинам и совсем их не было. Преподавателям приходилось самим создавать науку советской полиграфии.

Недавно институту исполнилось пятьдесят лет, он набрал силу, стал солидным учебным заведением. За успехи в научной работе МПИ награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он готовит теперь специалистов по всем отраслям полиграфической промышленности. Всего на девяти факультетах занимаются семь с половиной тысяч студентов, больше половины — без отрыва от производства. Много учащихся из социалистических и развивающихся стран — институт весьма популярен и за рубежом.

— У нас сейчас учат студентов люди с большим педагогическим опытом, видные ученые — двадцать девять докторов наук и профессоров, двести сорок кандидатов и доцентов,— продолжает свой рассказ ректор.— XXVI съезд партии поставил перед вузами серьезную задачу — повышение качества подготовки специалистов. Техника развивается неслыханно быстро. Надо успеть усвоить непрерывный поток информации, научить будущих инженеров быстро в нем ориентироваться. Знания должны быть одновременно и фундаментальными и самыми современными. Ежегодно нам, преподавательскому составу, приходится проходить переподготовку. Не только студенты, но и мы стажируемся в издательствах, на крупных полиграфических предприятиях страны, изучаем новые советские и иностранные машины и автоматы, с помощью которых набирают и печатают книги, газеты, журналы. Стараемся лаборатории и кабинеты оборудовать современными моделями.

Основой нашего высшего полиграфического является, конечно, подготовка инженеров для промышленности: технологов, фотомехаников, экономистов. Этим занимаются факультеты полиграфического оборудования, полиграфической технологии и экономический.

...Сто кабинетов, лабораторий, мастерских; тридцать пять кафедр расположились в просторных корпусах института. Все здесь создано для того, чтобы будущие инженеры, издатели, экономисты научились делать красивые книги, красочные репродукции, первоклассные учебники, а потом бы со знанием дела распространяли свою продукцию.

Обо всех тридцати пяти кафедрах института рассказать, конечно, невозможно. Одной из них — кафедре технологического изготовления печатных форм, которая проводит занятия со студентами,— уже двадцать лет. А вот фото-

Будущие оформители изучают шрифты.

набор — это новое направление в полиграфическом искусстве. Соответственно молода и кафедра технологии фотонабора, ей всего три года. Здесь занимаются использованием ЭВМ в фотонаборном деле. Ловкие машины многие операции станут делать сами. Вот, например, на кафедре поставили перед машиной задачу — не только верстать полосы (то есть страницы), но и исправлять в них ошибки. Исправленные ошибки машина учитывает, заново перерабатывает полосу и выдает новую без погрешностей. Ошибки всякие — буквенные, стилистические, неудачи в расположении текста... Что это дает? Большую экономию и производительность, высокое качество и значительное улучшение условий труда. Система «Союз», которая работает по этому принципу, создана здесь на кафедре и уже внедрена на некоторых полиграфических предприятиях. Ее применение сберегло государству один миллион рублей.

— Знаете, что совсем скоро произойдет в редакциях? — спрашивает Николай Николаевич Полянский, доцент кафедры, старейший педагог института, коренной полиграфист, который начинал свою трудовую деятельность в цехах издательства «Правда». И улыбается.— Нажмёте одну кнопочку,— пожалуйста, на экране возник текст. Ах, некрасиво расположены колонки? Другая кнопочка нажимается. Ошибки есть? Третья. Теперь хорошо! Вам такое не нравится? Привыкли к правке? Что ж, отвыкнете, как журналисты, которые уже не водят пером по бумаге, а прямо за пишущую машинку садятся... Так и с ЭВМ: когда-нибудь исчезнут бесконечные корректура, гранки, полосы с правкой. Сколько бумаги сохранится!

Такая технология — дело будущего. Но те, кто учится в полиграфическом, станут работать именно так. А пока в институте существует и кафедра печатных машин, которые занимают и, наверное, долгое время будут занимать в типографии почетное место. Эта кафедра серьезно занимается усовершенствованием имеющейся техники, решает проблему, как облегчить и усовершенствовать труд печатников. Например, тут создали лакировальные машины. Сделали также более совершенное устройство: автомат от целой стопки бумаги отделяет один листок, а потом сам транспортирует его в печатный аппарат.

В разговор вступает профессор, доктор филологических наук Михаил Васильевич Урнов, известный специалист и знаток английской литературы. Один из тех, кто принимал участие в создании первого учебника по редактированию.

— И все-таки все начинается с редактора,— говорит Михаил Васильевич. — Ни одно издание — будь то классика или учебник по химии, — не попадает в производство, пока редактор не «отработает» его... Хотелось бы подчеркнуть, что основы редактирования сложились у нас, в институте. Занимался методикой редактирования, разработал ее принципы еще профессор Константин Иакинфович Былинский. Он был блестящим педагогом. И те, кто прошел его школу, всегда вспоминают добрым словом своего учителя... С нашего факультета в «большой свет» — в журналы, издательства, газеты — вышло много интересных людей.

Наш факультет называется редакционно-издательский. Мы учим студентов бережно обращаться с чужим текстом, правку делать, только когда необходимо, не «причесывать» автора, сохранять особенности стиля каждого. Ведь по-настоящему улучшать — это значит думать над композицией, построением произведения. Требовательно и вместе с тем бережно относиться к индивидуальности пишущего. Это — необходимые условия, суть настоящего, хорошего редактирования.

После того, как рукопись, оригинал отредактированы, его отдают в руки художников-оформителей. Они по-своему осмысливают текст, как бы дополняя его своим видением, делают книгу броской, привлекательной, чтобы ее было приятно взять в руки. На факультете художественно-технического оформления печатной продукции долгое время трудился замечательный мастер книжной графики Андрей Дмитриевич Гончаров, а сейчас — работают его ученики.

...Стоит на улице Прянишникова дом под номером 2а, будто раскрытая книга. Из дверей его выходят юноши и девушки, бурно обсуждая только что прошедшую юбилейную студенческую конференцию...

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Димитр МЕТОДИЕВ

ПОЭМА

Твой голос не смолкает ни на час.
Кто ты? Моя святыня?
Неподвластна
ни самым мудрым доводам, ни страсти,
сама как довод, страсть и власть,
как право и любить и ненавидеть —
какое имя для тебя мне выбрать
наедине, без посторонних глаз?
Что́ ты в моей судьбе, любовь или недуг?
Мой тяжкий долг или запретный круг,
и я навеки в нем бессильный пленник?
Тюрьма моя или моя вселенная?
И отчего с упорством страстотерпца,
неистово, как древний богомил,
тебя я славлю, не жалея сил?
Вот голос твой взмывает, не таясь,
всех голосов других звончее неизменно.
И нету власти выше, чем твоя!
И нет важнее истины у времени!
Опять со дна души он нарастает, этот
могучий гул.
И тех, полураздетых,
погибших снова гонят на расстрел.
И снова угрожает та же смерть
отряду обреченному. И тени
нас, выживших в ту осень,
ждут бессменно
вокруг костра. И круг их так же тесен...
И ты. Ты — песня, боль моя и песня!

Я был с тобой, тебя я называл
пристрастным соучастием, поэзия!
Я над рейхстагом знамя поднимал, я пал
в Анголе, во Вьетнаме, в Индонезии.
Всех битв земных ношу на сердце раны я.
Но, павший в Чили в первом эшелоне,
я восставал в апрельском Лиссабоне.
Я воскресал, неистовый, как прежде,
живительным овеянный дыханием
твоим, любовь моя, и вера, и надежда!

С годами счет потерь намного я скостил.
И много слабостей я принял и простил
другим, себе и времени.
Но стих
не знает примиренья и смиренья.
Он на посту, ему не будет смены.
Всегда в бою, твой воин и пророк.
Любая слабость для него — порок,
любое примирение — измена!
Пусть кажутся наивно-старомодными
и твой грядущий рай, и преисподняя —
им, сытым ближним нашим;
и пускай
из подворотни душ, замков закрывшихся,
в ответ на стук твой неизменно слышится
то сонный, то глухой от ненависти лай!

От потрясений мир устал. Он хочет,
чтоб путь в грядущее был легче и короче.
И вот:
на шумном карнавале классов,
среди чужих свои, на все согласные,
оппортунисты — и юнцы и седовласые —
готовы к косметическим услугам
всем без разбору, и врагу, и другу.
Поклончик здесь, поклончик там.
«...Целую ручку вам, мадам!..»
А ты идешь сквозь этот смрадный храм,
храм соглашателей с их лозунгами куцыми,
уже не призрак — зрелость революции.
А ты, свободе преданная свято,
ты в полный голос гордо утверждаешь:
единственная возможная в переходный
период держава —
это держава диктатуры пролетариата!
Рожденная максималистским временем,
ты —
вера моя,
совесть моя,
песня моя —
ты на меня уже ложишься бременем...
Но славлю это бремя, без которого
обрушится пустого неба колокол!

Да, я не раз был хмур и зол, когда
крутые виражи брала история.
И горек был мне хлеб, горька была вода
от дум, в душе и в сердце похороненных!
И мне порой непросто было вынести
свободу в качестве осознанной
необходимости!
Но в бурях века, в яростном их вое
я не нарушил, не покинул строя,
я усмирял свой непокорный дух,
я оставался неподкупно глух
ко всем сомненьям, ибо ведал страх
оставить пустоту в твоих рядах
и бремя верности с себя сложить,
и с подлым облегчением забыть
гимн наш насущный!..
Помоги им бог,
на полпути отставшим — без тревог,
без ненависти, но и без любви!..
Лишь ты
была со мной и в счастье, и в несчастье,
в хрипенье смерти, в лае клеветы
и в испытаньях славою и властью...

О, не оставь меня! Да буду я причастен
ко всем твоим сражениям — солдатом!
Бушуй во мне! Не дай мне постареть
под бременем заботы, уцелеть,
ударов сердца считанных остаток
несчитанным мне силу дай раздать.

А в час, когда придется умирать,
я об одном прошу — дай мне успеть,
как сверстникам расстрелянным, запеть,
навеки погружаясь в неизвестность...
И слиться с песней!

Январь 1976 — июнь 1979 г.

Перевел с болгарского Б. ГУДКОВ.

Федор АБРАМОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

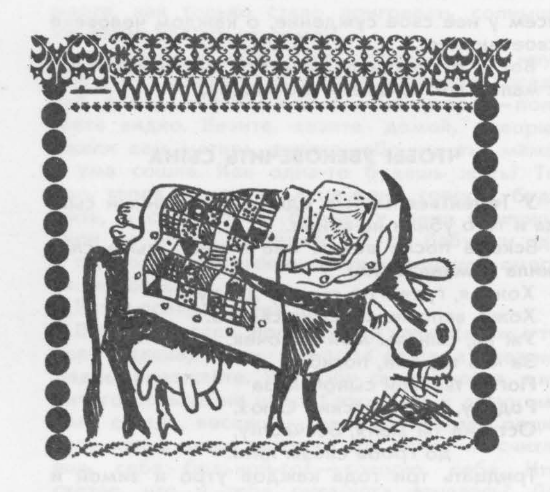
ТРАВА-МУРАВА

ВО КРЕСТЬЯНСТВЕ ВЫРОСЛА

ВО КРЕСТЬЯНСТВЕ ВЫРОСЛА

По тихой вечерней улице, поскрипывая и покачиваясь, плывет огромный кузов, с верхом набитый свежим сеном, у кузова ноги в старых, растоптанных опорках, а где человек?

Человек лишь тогда объявился, когда кузов вполз в заулок к Заварзиным. Настасья Степановна—ветошная, голубоглазая старушонка. Вся задохлась, запарилась — еле на ногах стоит.

— Чего так убиваешься? В твои ли годы с сеном возиться? Дети-то куда смотрят?

— Звали. И Артем звал, и Олеша звал. Не отталкивают, не отталкивают от себя матерь, грех жаловаться. И деньгами не обижена — посылают.

— Так в чем же дело?

— Робить хочу.

— Робить-то и у сыновей можно.

— Нет, не та работа. Бескоровники. А я во крестьянстве выросла, мне первым делом коровушку нать. С коровушкой-то мне и жить весело. Вечером ложишься с думой о ней и утром встаешь — опять она на уме. А ночью-то проснешься, тоже первым делом: где у меня Лысонька-то? А у их, у детей, о чем думать? Все думано-передумано без меня.

Нет, нет, я люблю робить. Мне не в тягость корова. С коровой-то я только и человек.

ХЛЕБНАЯ КОРКА

Матрена Васильевна вконец измаялась с сыном. Жизни не рада стала. Пьет, по неделям нигде не работает (корми, мать, на свою колхозную пенсию в двадцать рублей сорокалетнего мужика!) да еще постоянно пьяные скандалы дома, так что обе дочери уже два года не ездят к матери. Наотрез сказали: либо мы, либо он. Выбирай!

И то же самое ей говорили соседки. Что ты, Матреха! До каких пор будешь мучиться? Гони ты его, дьявола, раз в нем ничего человеческого нету.

И Матрена Васильевна соглашалась и с дочерьми и с соседками. И иной раз, доведенная до полного отчаяния, она уже готова была бежать в сельсовет (председатель давно сказал: заберем, дай только сигнал!), потом вдруг вспомнит войну — и пропала решимость: в войну ее да девок, можно сказать, Пашка от голодной смерти спас.

У Пашки долго, до пяти лет, не поворачивался язык на слово (и теперь немтуном ругают). И вот за это-то, видно, его и жалела Анна, сельская повариха: два года подкармливала ребенка. Все какой-нибудь хлебный мякиш или корку сунет: они-то в колхозе забывали, как и хлеб настоящий пахнет.

И вот, что бы сделал всякий ребенок на месте Пашки с этим мякишем, с этой коркой? В рот, в брюхо скорей — там собаки от голода воют.

А Пашка ни крошки не съест один. До самого вечера терпит, до тех пор, пока мать с работы не вернется. Да мало того, этот мякиш, эту корку разделит на четыре части.

— Что ты, Пашка, сам-то ешь да девок угости. А я-то не маленька.

Не будет есть. До тех пор не будет, пока мать не съест свое. Плачет да ручонкой тычет (слова-то выговорить не может): ешь, ешь.

И вот через эту-то Пашкину доброту, может, они все и спаслись в войну. Так как же ей гнать его из дома?

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

Как почитала, как любила своего мужа Татьяна Васильевна — этого и сказать нельзя.

Шестнадцать лет ей было, когда она забылась ради него, покрыла позором и себя и отца с матерью. Приступил: отдай свою девью красу, а не то сегодня застрелюсь.

И она отдала. Можно сказать, сама отцу родному яму вырыла, потому что отец как узнал, что его любимая дочь девкой забрюхатела, так и зачах с горя за один месяц.

А в войну? Никогда не была набожной Татьяна Васильевна, а тут кажинный вечер, как ни устала, ни вымоталась за день (а ведь в войну робили, пока руки двигались, пока ноги держали), кажинный вечер выстаивала час на молитве. А вдруг бог есть? А вдруг молитвой можно спасти мужа?

И вот отмолила ли она у бога мужа или в рубашке оба родились — вернулся Алексей. Цел и невредим. Без единой царапины.

А через год у Алексея появился на стороне ребенок.

Татьяна Васильевна не кричала, не проклинала мужа. Она сказала ему:

— Из дому не гоню — детям отец нужен. А я тебе больше не жена.

Было тогда Татьяне Васильевне двадцать семь лет. И сдержала слово. За все двадцать два года, что жил после этого Алексей, она ни разу не сжалилась над ним. И на похоронах вела себя как чужая: ни единой слезы не обронила.

ТЕТЯ КАТЯ

Восемьдесят три года. Грузная, тяжелая. Идет по улице — копна сена ползет. И только глаза молодые, полные жизни.

И тетя Катя любила приговаривать:

— Тело просит земли, а душа — любви.

КАБЫ ЗНАЛА ДА ВЕДАЛА...

На Пинегу приехали студентки-филологи. Очень хотелось записать заговоры. Спрашивают в каждой деревне, нет ли у них знахарки.

— Нету, нету, милые. Давно все вымерли.

Наконец в одной деревне улыбнулось счастье — есть знахарка. Живая. Через дорогу живет.

Студентки прибежали к знахарке, взмолились:

— Бабушка, родненькая! Расскажи, пожалуйста. Нам для науки.

Старуха замахала руками: не знаю, ничего не знаю.

— Но, бабушка, вы же... Вас же... Ну хоть один маленький заговорчик... Про любовь...

Старуха опять начала отмахиваться и вдруг расплакалась:

— Что вы, что вы, девки! Да кабы я знала да ведала заговоры, да разве я жила бы без мужика?

БАБУШКИНА ВЕРА

Катя С. с двумя подругами-студентками приехала на Вологодчину собирать фольклор и готова была в первом же райцентре проклясть и Вологодчину и ее жителей.

Дождь проливной, холод, транспорта нет — они четыре часа выстояли на дороге, прежде чем их подобрала машина-попутка.

См. «Огонек» № 17.

А в деревню приехали — что за народ? Ни в одну избу не пускают обогреться — хоть подыхай, а уж насчет фольклора и говорить нечего — никто слушать не хочет, как на чокнутых смотрят.

Наконец, после долгих хождений от избы к избе, их пустила к себе одна старушка.

Чудо-старушка. Как из русской сказки. На печи обогрела, обсушила, чаем напоила, а потом и разговоры завела: откуда, куда, зачем?

Однако сама-то старушка ни песен, ни сказок, ничего другого в этом роде не знала. Зато растолковала назавтра, к кому надо идти, в какие деревни.

Катя и подруги ее так и сделали, как посоветовала старушка, и к вечеру вернулись к ней с богатейшими записями. И страшно удивленные, что в каждом дому их принимали как нельзя лучше.

Старушонка нисколько не удивилась. Она сказала только:

— Дак ведь я вас к людям своей веры посылала — как могло иначе-то?

— А какая у вас вера, бабушка?

— А вера у меня такая: доколе жива, добро людям делать.

ДЛЯ ВНУЧКИ БЕРЕГУ

Раз той же Кате С. и ее подругам, собиравшим фольклор на Вологодчине, посоветовали в одной деревне зайти к старушке — заговоры знает.

Зашли.

Самая грязная изба на Вологодчине. Стол не прибран, на столе крошки, молоко разлито, на полу тоже не отдохнешь глазом: крышки, миски немытые, с остатками молока и в довершение ко всему кот, тоже какой-то неряшливый, с мокрым хвостом, которым, верно, только что вытирал крынки и миски.

Старушонка оказалась сговорчивой — быстро выложила все, что знала: как скотину заговаривать, как зверя, птицу-пакостницу, злую пулю и т. д.

— Ну, а заговоры-присухи знаете, бабушка? Ну, которые о любви.

— Знаю,— ответила старуха.— Только не скажу.

— Да почему, бабушка?

— А потому, родимо, что для внучки берегу. Внучка в городе учится, скоро замуж выходить, а присуха, которая в ходу была, силы не имеет.

КТО-ТО ДОЛЖЕН ЖЕ...

Нынешним летом моя приятельница Г., преподавательница пединститута, со своими студентами была на практике по диалектологии в Архангельской области.

Однажды вдвоем с руководителем практики (Г. была заместителем) зашли в дом к старой старухе.

Разговорились. У старухи четыре сына погибло на войне.

Старший сын написал сразу: отсюда не вернусь, второй сын вообще не писал (сразу пропал без вести), а младший — Мишенька — утешал мать в каждом письме: живи, крепись, мама, вот вернусь с войны, заживем...

И не вернулся.

Старуха показала карточки сыновей (третий сын помер два года спустя после войны от ран и от пьянки), а затем вынула письмо комиссара части о гибели любимого Мишеньки и попросила прочитать его вслух — каждого грамотного, который зайдет в дом, просит.

Руководитель практики, бывший фронтовик, прочитал про себя письмо и сказал, что не может читать вслух — так оно взволновало его. Хорошее, неказенное было письмо.

Сама Г., прочитав письмо, тоже отказалась: расплачусь, бабушка, я лучше пришлю к вам своих студентов.

И прислала: дочку Свету и еще одну белоголовую девчушку-клопика.

Светка прочитала несколько строк и не выдержала — выбежала из избы. А клопик прочитала письмо от корки до корки, от слова до слова.

А вечером на расспросы, как удалось ей не расплакаться, ответила:

— Но раз вы не смогли, то кто-то должен же был это сделать.

В ОТВЕТ НА ДОВЕРИЕ

У Галашевых на Слуде три гнезда уток в озере под окнами.

Великая радость!

Утром встаешь, первым делом — где они?

В прошлом году Васька Малый убил одну утку — люди едва не забили мужика.

— Не трожь беззащитную тварь! Птица тебе доверилась, а ты как на ейно доверье отвечаешь?

НА ВЕКА

— Я вдовою взамуж выходила. За другого вышла, уж девка на выданье была. Все крепилась, все честной вдовой жила. Да налоги-те больно больши стали, до пятсот да более платить надоть. Вот девка-та у меня — рассудительна была: «Мама, уж не то тебе идти, как жить-то будем?» Я поплакала, поплакала, не шутка заново-то под одно одеяло с чужим мужиком ложиться, да и пошла. Вдовец один позвал.

Ничего жили. Двадцать семь лет. Промышленник был, осенью не садились без тетеры за стол, детей четверо нажили и меня не бивал — что будешь судачить. А врать тоже не хочу: все первого жалела.

Я в работницах жила, в казачихах по-нашему, когда с Григорием-то стакнулась. Хороший швец был, чего ни шил: и ботинки, и сапоги, и лопотину-одежу всяку. Только ног нету. Смала усохли. Стали венчаться-то, батюшко говорит: ну, теперь целуйтесь. А как целоваться-то? Жених у моих ног, на коленцах стоит. Дак я тоже на коленцы стала.

Беда, беда, жалела я Григория-то. Думаю, уревусь на могиле-то. Раз до того прибилась, приплакалась, что без памяти уснула. Голову-то застудила — долго болела. Да и теперь на кладбище поковыляю с робятами к отцу (пять годов как старик помер): нет, робята, вы как хошь, а я перво Григорию поклон отдам.

Три креста на могиле-то сменила. Теперь крепкой, каменный поставила. На века.

ДЛЯ КОГО ЗИНКА, А ДЛЯ КОГО ЗИНАИДА ИГНАТЬЕВНА

Писатель К. написал очерк о деревне на Ярославщине, где за год до этого купил дом. Описал всех жителей деревни, благо их немного, вывернул подноготную каждого, да еще и под своими именами.

У людей это вызвало негодование.

Степан, сосед К., выведенный в очерке как беспросыпный пьянчуга и калымщик, пришел в ярость:

— Я пьянчуга? Я калымщик? Я не просыхаю? А на ком вся деревня держится? Кто пашет огороды? Кто кузнец? Кто слесарь? Кто плотник? А кто самому К. дом перетряхивал?

А старуха, у которой К. брал молоко, та отказала К. в молоке, да еще и припечатала:

— Ты мою дочь (дояркой работает): Зинка да Зинка. На всю Расеюшку. Это кто тебе позволил? Для кого она Зинка, а для тебя Зинаида Игнатьевна. Понял?

АННА СТЕПАНОВНА И АНЮША

— Где побывала, Анна Степановна? Не у подруженьки своей?

— У нее, у Анюши,— отвечает бойко Анна Степановна.

При этом что удивительно? Анне Степановне всего четырнадцать лет, в то время как ее подруженьке давно уже перевалило за шестьдесят.

Но это решительно никого в деревне не смущает — ни старых, ни малых. Так уж сумела поставить себя эта девчонка с детства: у ровни она всегда была за заводилу, а взрослых опять купила своим умом да смекалкой. Обо всем у нее свое суждение, о каждом человеке свое мнение.

Вот и отличили ее земляки, вот и величают с малых лет по имени и отчеству.

ЧТОБЫ УВЕКОВЕЧИТЬ СЫНА

У Терентьевны был один-единственный сын, да и того убили на войне.

Вскоре после войны она в честь сына сложила поминальную:

Хожу я, гуляю по своему двору.
Хожу, вспоминаю сына своего.
Уж ты, сын, ты мой сыночек,
За что ты, сын, погиб?
Погиб ты, мой сыночек, за
Родину, за Советский Союз.
Оставил ты меня, бесчастну,
до гроба слезы лить.

Тридцать три года каждое утро и зимой и летом, в любую погоду с этой молитвой-песней обходила старуха свое подворье. А потом подошла смерть, и она призвала соседку:

— Хочу дом тебе отписать, исполнишь ли мой завет?

— Давай дак не говори чего не надо: у тебя дочи есть.

— Дочи в городе живет. А мне надо, чтобы и после смерти моей каждое утро поминала сына.

СПАСИБОМ УБИЛ

— Все девки у меня как девки — одна другой здоровше да краше, не в меня рожей-то, в отца, все замужем, ребята чуть не из зыбки выдернули, только Олюшке, старшей, бог счастья не дал. Всю жизнь по больницам мается. Отец, отец девку спасибом убил.

— Спасибом?

— А как? После войны поехали на пожню сено ставить. Олюшке двенадцать годков — по нонешним временам какая работница? А ведь она у нас за взрослую робила — никакой скидки на года не было. А ежели еще отец похвалит: «Ну и Ольга у меня, ну и девка!» — дак Ольга убиться готова: даже в то времячко, когда отдыхаем, с граблями бегает.

И вот покос кончился, и она кончилась. С двенадцати лет по больницам пошла.

Отец, отец девку спасибом убил.

МАШУНИНА ЖИЗНЬ

— Я всю жысь в работе. Смалу на мачеху робила, ейных деточек подымала, потом колхозы зачались — кого в лес послать, кого пахать да сеять? Машуню. А в войну — тут уж говорить нечего — все воза на меня: у ей, у Машуни, робят нету. Так я и осталась в девках. Некогда и взамуж было вытти. Да и за кого? Два с половиной мужика в деревню с войны вернулось — разве мне кривой глаз пучить?

Да, милой, я ведь в войну-то окривела, соломиной глаз нарушила. Целыми днями да целыма ночами молотила, знашь, в войну: хлеб, хлеб давай, по целым суткам из овина темного не вылезала, вот в темноте-то и наехала

глазом на соломину. А потом задымило, задымило, да и другой в темноту ушел.

Стала нянькой. И слепая робила в колхозе, пятнадцать лет сидела с робятами от колхозу. Сичас вот тем и живу, доглядывают внучки. Я внучками зову, с которыма водилась. Все какая-нибудь забежит. Когда дорожку зимой разгребет, когда за хлебом сбегает, когда за водой.

Не знаю, не знаю, што со мной будет, какая жысь. Какие-то все паралицы, да болезни, да раки, да, господи... Может, и мне што еще заготовлено у бога.

СТЕНЫ ПОМОГЛИ

Варвару Сидоровну, полную, но еще моложавую старуху, поздней осенью разбил паралич. Зиму она кое-как промаялась у дочери и зятя (те жили в другом конце деревни), а в марте, как только стало пригревать солнышко, стала проситься домой.

— Темень у зятя, одни дрова старые кругом (так Варвара Сидоровна называла соседние дома), а у меня-то дом на угоре — полсвета видко. Везите, везите домой, говорю, ежели вам матерь дорога. «Да что ты, мама, с ума сошла. Как одна-то будешь жить? Ты хоть тепла дождись». А не одна, говорю, буду жить, а с господом богом, у меня божница икон от мамы родимой да от бабушки, да и ты, дочи, прибежишь, коли материной смерти не хочешь.

Вот и повезли меня домой.

В избу занесли, посадили на лавку (я уж о ту пору сидела): сиди, мама, за вещами поедем. Ладно, поезжайте. Я в избу свою попала, мне ничего больше не надо. Сижу. Пол у девки намыт, светло, весело — да я как заново родилась, как о паске радуюсь. Да почто ты считаешь себя больной-то? — говорю себе. Кто сказал, что у тебя рука-нога отнялась? Да, может, приснилось это тебе? Рванулась к печке, печка за метр от меня, да и чудо: на ноги встала.

Стою. А ну-ко я шаг сделаю. Шаг сделала и опять не упала.

А ну-ко я по избе своей пройдусь. Хозяйкой пройдусь. Да и прошлась.

Санька приехала, двери открыла, а я у дверей стою. «Мама, мама, да како-тако чудо случилось? Кто тебе помог?» А помог, говорю, господь бог да родные стены.

Вот с той поры и пошла на поправку, а теперь, славу богу, и вокруг дома маленько брожу.

ИЗ-ЗА ЧЕГО ПОМЕРЛА ГЛЕБОВНА

— Из-за печени, доктура сказали, которые потрушали: Печень, говорят, рак сгрыз. С чего? Из-за девок. Девки в могилу свели. Валька старшая, еще школьницей загуляла, уж нету в деревне угла, который она своей задницей не обтерла, — каково это было пережить матери? Другая дочи — мать учила-учила, быват, пятнадцать лет учила, — приехала с женихом, свадьбу сыграли, сорок пять человек за столом сидело, вот как матерь-то ее почитала, а она через месяц письмо: совместная жизнь с Геной не совпалась, разошлись по-хорошему, с миром. А у матери от этого мира сердце едва не разорвалось.

Ну, а петлю-то на шею накинула младшая — Олюшка. Девкой обрюхатела. Да ладно бы от человека, а то от алиментщика! Ну дак до того распалилась Глебовна — знашь, какие в ихнем роду все гордецы! — не пустила дочерь на порог. Та приехала с лесопункта на трех машинах (родники уговорили жениха, взял Ольгу): встречай молодых! А Глебовна ворота на запор да еще и присказку: «У меня не родильный дом, а я не повитуха». Вот как ей обида-то на сердце пала! Что ты, ведь это по-прежнему-то, по-старинному-то порато небаско, когда до свадьбы брюхо нагуляешь, да еще от мужика.

Ольга теперь убивается, тут, в радуницу, уревелась на могиле у матери: «О мамонька, мамонька, быват, я тебя сгубила да, быват, я тебя в могилу свела...» Фенька-фершалица — привелась на кладбище: «Не плети чего не надоть! По медицыны померла». А с чего же по медицыны? Мы-то рядом жили, знам.

ПОСЕВНАЯ

(Из одного письма)

Ты пишешь, Марея Осиповна, у вас сев зачинать хотят, а я вчерась еще отсеялась. Всего насеяла да насадила: и житца, и репки, и капустки, и ленку заодно бросила. Два подоконника банками да ведерками, от ребят остались, заставила. Дочерь ругается: опять, говорит, все лето к окошку не подойти, опять ты, бабка, с ума сходишь. А я говорю, у тебя душа не болит, не скомнет, ты новой порощи человек, тебе хоть есть, хоть нет земля, все едино, а я, говорю, мне хоть столько-то радости. Ходить не могу, от фатеры до крыльца вся моя ходá ноне, дак я хоть дома-то посмотрю, как все растет, да цветет, да ленок сголубеет. Посмотрю, да поплачу, да жизнь свою вспомню...

СПОР ПО-СТАРИКОВСКИ

Собрались старики с верхнего конца деревни у Матвея Ионича, по-нашему Матюшки Иришича (по матери звали, отец рано умер): Анисим Максимович, Семен Трубка, сам Матюшка. Все глухие, разговор на крике.

А о чем разговор у стариков? О бывалошной жизни, о тех счастливых временах, когда все они были в силе, крестьянствовали, промышляли в лесу.

Сперва кивали, поддакивали друг другу — хорошо шел разговор, а потом заспорили: где стоит охотничья избушка по Росохам?

Анисим Максимович как старый тетерев: на угоре, возле старой ободранной березы.

Семен Трубка: нет, не на угоре, а у брода за реку.

А Матюшка — порох старик — стоптал даже ногами:

— Что вы ерунду-то мелете! Кака гора, какой брод? На пожне! Как раз под самым спуском, когда из лесу выйдешь.

Спорили, кричали долго и кончили тем, что разругались в пух и прах, так что полуслепой Семен Трубка, которого обычно приводили и уводили домашние, на этот раз даже один домой ушел.

Три дня старики сидели по своим берлогам, а на четвертый снова сошлись — терпежу не стало томиться в одиночестве.

И тут выяснилось, что, заговорив об охотничьей избушке по Росохам, которая когда-то принадлежала монастырю, каждый из них, незаметно для себя начал думать о своей, фамильной избушке, дорогой и любимой с детства.

СЛОВО ПОМОГЛО

У Павлы Северьяновны утренний аврал: полдевятого, через полчаса за прилавок в белом халате вставать (в ларьке торгует), а у нее вся кухня дыбом, и сама еще не одета.

— С отцом сегодня долго проканителилась, — оправдывается она. — Вчера, вишь, зарплату давали, часы на улице потерял — искала, да самого по частям складывала, по всей деревне опохмелку разыскивала — тоже время надо.

— А дочери?

— А дочери еще спят. Не смею будить-то. Не свои, живо люди оговорят. — Северьяновна вышла за вдовца, у которого, кроме старшего сына, живущего отдельно, своим домом, было еще две дочери, две крупнотелые девицы-школьницы.

Я рассвирепел. Я в такую работу взял ее (осточертела эта нынешняя возня с деточками!), что забыл даже про стамеску, за которой приходил. Вспомнил, когда уж из заулка выбегал.

Дней через десять встречаю Северьяновну на улице — цветет.

— Ты заговорил у меня девок-то, что ли? Ведь они как шолковы стали. Я нахвалиться не могу.

— Вот и ладно.

— Да уж чего лучше. Ты выбежал тогда от нас, дверями хлопнул, они заглядывают с другой половины: «Чего это, мама, писатель-то психует?» Так и сказали, что будешь врать. Меня, говорю, ругал. За то ругал, что с вами распустилась. И вот — чудо. На обед прихожу, у меня все дома прибрано, намыто, чайник горячий на столе, меня дожидается. А назавтра-то утром встала — они обе у меня на ногах: «Мама, что нам делать?» Подменил, подменил ты у меня девок.

РОДНИЧОК

Кто сегодня поет старинные русские песни? Старые деревенские старухи да участники всевозможных самодеятельных коллективов.

А тут на сцену — был смотр художественной самодеятельности Северо-Запада — вышел нестеровский отрок, ясноглазый, светлоголовый, в белой расшитой рубашке с вязаным пояском, и давай петь одну за другой полузабытые, старинные песни.

Голос у Васи Назымова — так звали полюбившегося всем паренька — был несильный, но чистоты удивительной — казалось, полевой жаворонок вдруг запел под высокими сводами зала.

В перерыв Васю Назымова обступили со всех сторон. Кто? Откуда? Как пришел к народной песне? У кого учился?

И так же просто и скромно, как пел, Вася Назымов отвечал: киномеханик с Мезени. Живу в родной деревне. Петь научился у бабушки, возле которой рос с братом.

Васю Назымова пригласили петь сразу три известных народных хора. Но он отказался.

— Не, — сказал Вася, — к себе на Мезень поеду. Я Мезень люблю.

И уехал.

Через год я специально навел справки: где Вася Назымов?

На своей Мезени. Все так же работает киномехаником и поет в сельском хоре.

КРЫЛАТЫЕ КОНИ СТЕПИ

Ольга **НЕМИРОВСКАЯ**

По степи мчались кони. Глухой топот таял в ее немом безмолвии, стремительное движение разметало гривы. Медленно занималась летняя заря, и от края до края простирался необъятный мир с постепенно светлевшим горизонтом. В предутреннем свете все было призрачным — рыжая твердь земли, растрескавшейся от дневного зноя, сухие стебли полыни и белые красавцы, летящие над землей, словно крылатые кони — тулпары из старых казахских преданий.

Камиль улыбнулся. Как причудливо порой сплетаются факт и вымысел. Именно в тот момент он представил картину «Утро», где будут и белогривые скакуны и высоко над ними — идущий на посадку космический аппарат. А главное — будет ощущение родины, безбрежной шири, бездонного неба, их вечной связи между собой, будет ощущение тех великих свершений, которые определяют жизнь современного Казахстана.

Вместе с этой картиной родился художник Камиль Муллашев, обозначились его стиль, живописный почерк, пристрастия, которые особенно полно проявились потом в триптихе, представленном на нынешней цветной вкладке.

«Утро» молодой мастер написал пять лет назад, еще студентом Суриковского института. («Огонек» печатал это полотно в № 47 за 1976 год). Оно сразу было показано в залах Академии художеств и на всесоюзной выставке «Молодость страны», тогда же завоевало дипломы академии, Союза художников СССР, Министерства культуры СССР и ЦК ВЛКСМ.

Каждое лето студенты-суриковцы разъезжались на практику. Институт предоставлял будущим мастерам возможность писать на Кавказе, в Керчи, Великом Устюге, Пскове. Море, горы, очарование старинной архитектуры... Но Камиль спокойно противостоял искушениям. Его тянуло домой, в родные степи и горы. Он делал сотни зарисовок, набросков, этюдов, писал жаркое дыхание сизого марева над обожженным солнцем пространством и сияющее чистотой бирюзовое небо после редких дождей, когда раздвигаются ясные дали и нет ни конца ни края светлому приволью. Порой он оставался наедине с землей и небом — так пустынно, как в открытом море, было все вокруг. Но его влекли эти величественные просторы, где всякое живое существо, предметы воспринимаются как символ — значительно и обобщенно. Вот вдали появлялась точка, небольшое пятно, которое увеличивалось и постепенно превращалось не просто в огненно-красный комбайн или полуторку, рвавшуюся к элеватору с драгоценным грузом зерна. Они были как знаки событий, и художник чувствовал свою причастность к тому, что происходит вокруг.

Руководитель живописной мастерской народный художник СССР, профессор Таир Теймурович Салахов советовал своим студентам во время практики ездить на крупные комсомольские стройки, где кипит жизнь, где много молодежи. Там, говорил он ребятам, вы найдете своих героев, и включал их в бригады художников, работавших на БАМе, на целинных землях, КамАЗе.

В Семипалатинской и Карагандинской областях Муллашев писал хлеборобов, постигал целину — тысячи гектаров пшеницы, сотни людей, технику. Дни уборки, как одно мгновение: непрерывное движение машин, волнения, темп, взятый людьми.

Потом в одной из частей триптиха, в «Хлебной страде», прямые жесткие линии металлических конструкций, строгие силуэты машин рассекут округлые холмы живого, дышащего зерна, а стальной цвет самосвалов станет еще более резким от теплого солнечного золота хлеба. Упорный натиск ощущается не только в этих напряженных, противостоящих ритмах. Беспокойная энергия нагнетается и деталями вроде бы второстепенными, но насыщающими полотно реальным дыханием жизни — кружением птиц над грудами зерна, клубами рваных бегущих облаков, стремительным поворотом рыжего коня.

Первозданная степь ожила, и, создавая это полотно, Камиль сердцем чувствовал грандиозные перемены, происшедшие на ее диких, тысячелетиями не тронутых пространствах. Из сопоставления прошлого с настоящим родилась еще одна тема: новый индустриальный облик древнего края, промышленные центры, поднявшиеся среди песков и безводья. Их олицетворением стал для живописца Мангышлак — город газовщиков и нефтяников.

«Над белой пустыней...» Огромные шары-резервуары высоко вознеслись над барханами. Их правильные геометрические формы, четкие контуры стальных сооружений, прямые вертикали труб рисуют совершенный образ технического могущества. И старому казаху на неизменном верблюде это кажется фантастичней любого чуда.

«Земля и время. Казахстан» — называется триптих Камиля Муллашева, живописная поэма о преображении казахской степи, и в каждой картине здесь бьется живое, трепетное чувство художника, его любовь и нежность к отчей стороне.

...В поселок Кургальджинский он приехал, чтобы познакомиться с молодыми чабанами. После школы выпускники целыми классами шли работать в совхозы. С удовольствием писал он портреты, жанровые композиции. Каким современным, счастливым стал быт тех ребят-чабанов, ради которых он сюда приехал! Невольно думалось о безграничных возможностях, и крылатый конь воображения вызвал в его мыслях парашют, плавно опустивший космонавта. Постепенно начала складываться композиция картины. Ее название «Юность» пришло, когда работа была закончена. В ней символ надежд, обновления, невиданной космической эры казахской земли.

И вот — безбрежная ковыльная степь, трава, гонимая ветром, запрокинутый купол парашюта, напоминающий прекрасную жемчужную раковину, которая со времен Боттичелли ассоциируется с рождением новой красоты. И человек, радостно ступающий по родной планете.

«Самое сильное ощущение после полета, когда открываешь люк и входит запах степи, запах земли...» Это говорил недавно Николай Николаевич Рукавишников. Александр Сергеевич Иванченков вспомнил, как вместе с Владимиром Васильевичем Коваленком по дороге на космодром они сорвали стебелек полыни и взяли с собой на орбиту. Долгие сто сорок суток в космосе его горьковатый аромат наполнял корабль живым присутствием Земли.

Те же чувства, должно быть, испытывает и герой картины...

В тишине немногословного полотна Муллашева огромное напряжение. Полет завершен, но ввысь уходит еще один корабль: линия горизонта рассечена сполохом.

Постепенно успокаиваются движения парашюта, но небо по-прежнему остается смятенным. Космический океан живет по своим законам. Гряды неспокойных облаков, воздушные потоки меняют направления, очертания, состоят в вечном противоборстве. Сквозь разрывы облаков словно проглядывают глубины Вселенной. И видится встреча двух миров — Земли и Космоса, осуществленная человеком.

Масштаб, планетарность происходящего определили язык полотен — монументальный, афористичный, с яркой пластической метафорой.

Связать три картины в единый цикл, ставший дипломной работой живописца, ему посоветовал Салахов.

Таир Теймурович искренне радуется за своего ученика.

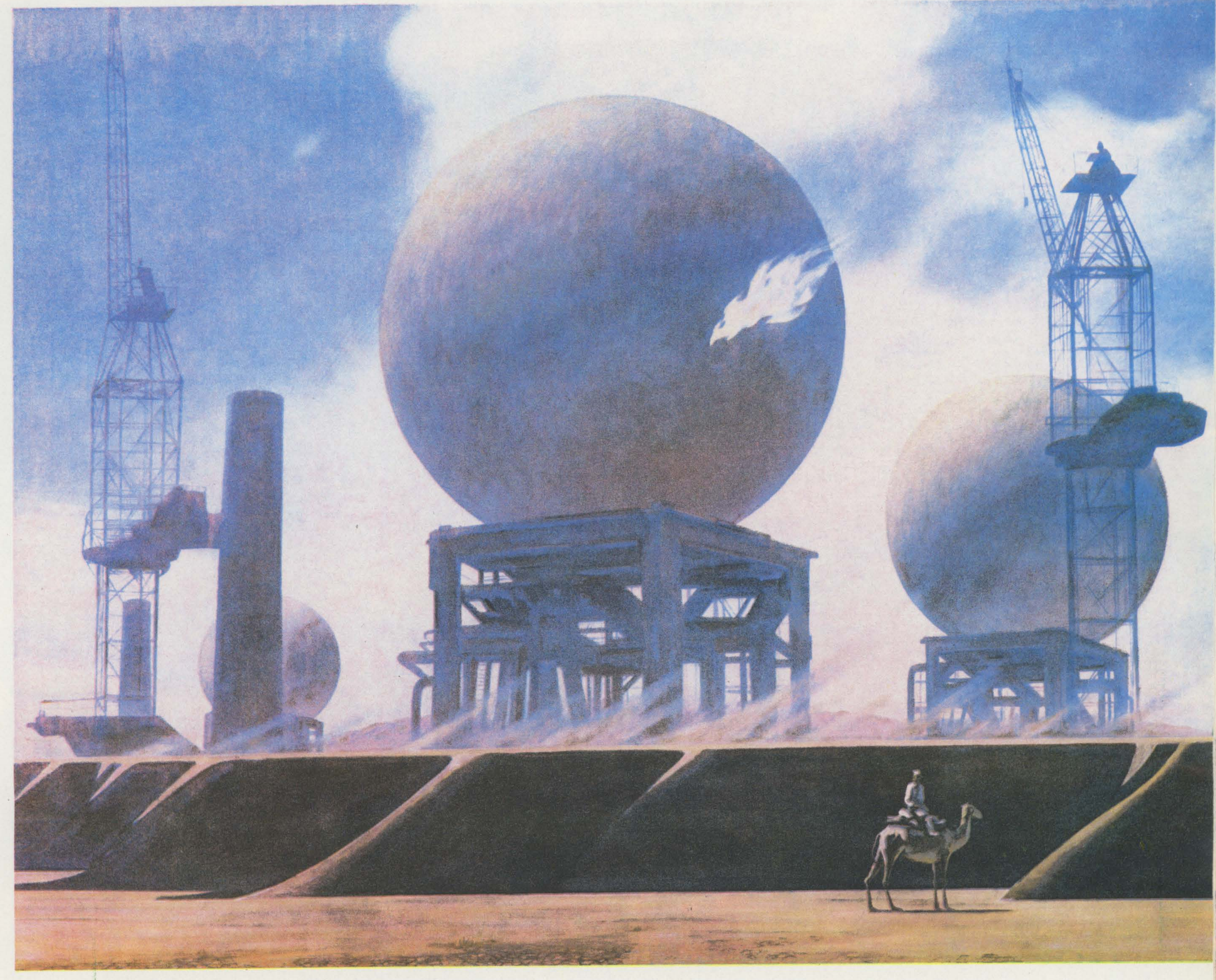
— Мне особенно приятно,— говорит он,— что его триптих занял почетное место в аванзале всесоюзной выставки «Мы строим коммунизм», посвященной XXVI съезду Коммунистической партии.

Когда делегаты и гости съезда знакомились с экспозицией, их внимание неизменно привлекали эти светлые, серо-голубые полотна. Они занимают целую стену и издали смотрятся как изысканный, тонкой работы гобелен. В благородной сдержанности живописи большая притягательная сила. И зрители были неизменно очарованы свежестью, новизной взгляда художника, его своеобразным мироощущением, тем индивидуальным почерком, которые ярко выделяют картины Муллашева.

— Недавно в Ташкенте,— продолжает Салахов,— с успехом состоялась выставка произведений молодых художников. Было представлено около восьмисот работ, отразивших нынешний день нашей страны. Камиль показал там свои новые холсты, созданные в последнее время и продолжающие тему, начатую в триптихе «Земля и время».

Сейчас на крупных всесоюзных, республиканских выставках треть работ принадлежит молодежи — ведь это ей предстоит определять завтрашний день нашего искусства.

...Родная земля, ее заботы плотно держат в плену творчество К. Муллашева. Теперь ему интересно воплотить на холсте большие философские и социальные темы: неразрывное единство человека и природы, ответственность людей за тревоги, радости и заботы всего мира.

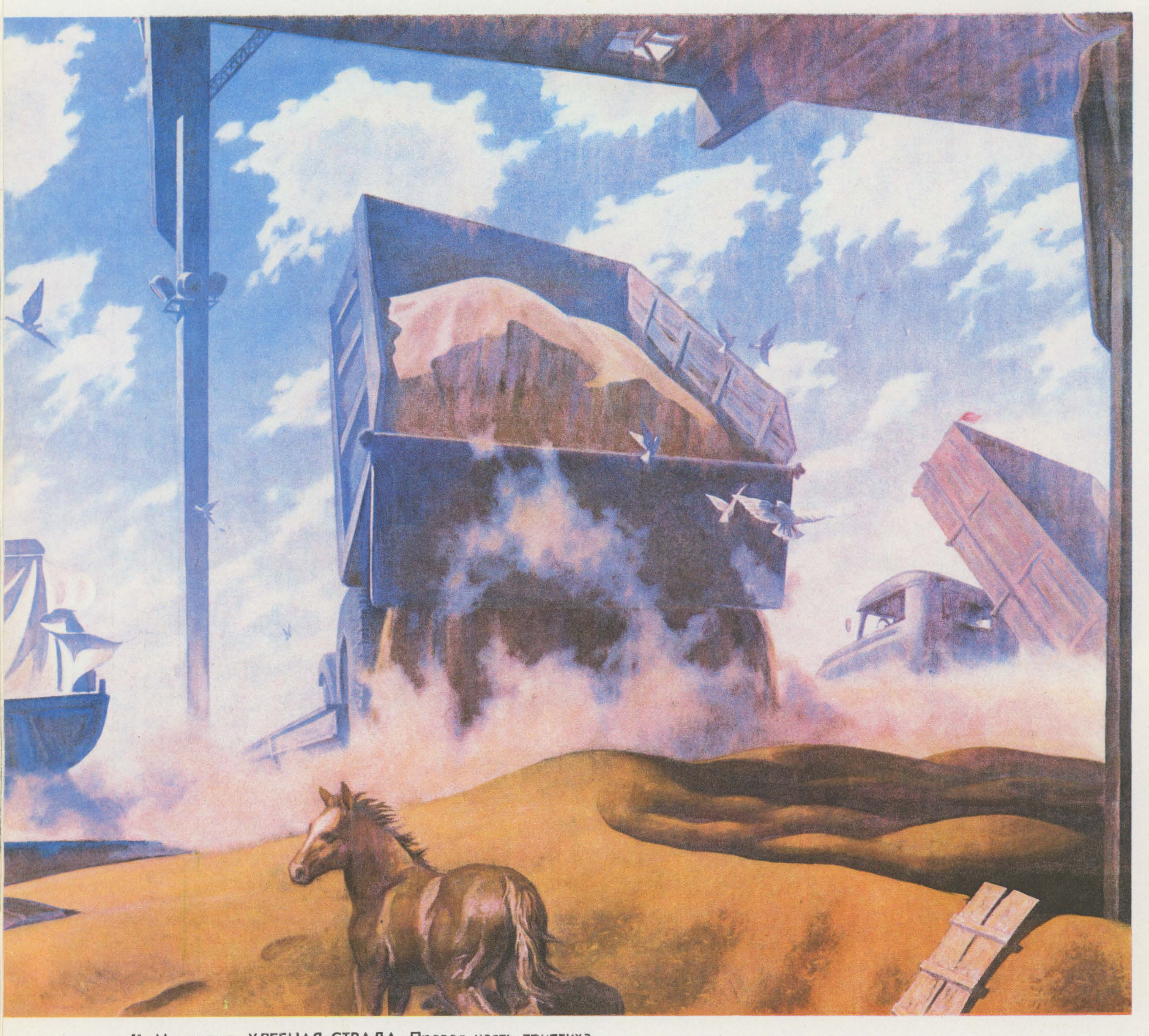
К. Муллашев. Род. 1944. Триптих ЗЕМЛЯ И ВРЕМЯ. КАЗАХСТАН. 1978. НАД БЕЛОЙ ПУСТЫНЕЙ. Левая часть триптиха.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

К. Муллашев. ЮНОСТЬ. Центральная часть триптиха.

К. Муллашев. ХЛЕБНАЯ СТРАДА. Правая часть триптиха.

ЧАБАН ЭСЕД РЕЙИМБЕРДЫЕВ

Эсед плохо помнил отца, погиб он в годы войны, защищая Родину. Трудное послевоенное детство, вместе со взрослыми собирал хлопок, работал в поле, с кетменем управлялся, как заправский мужчина.

Колхоз имени Калинина животноводческий. После войны чабанов не хватало: старые уходили на пенсию, многие не вернулись с фронта, молодежь шла учиться. Одной матери трудно поднять семью. Вот и решил Эсед стать чабаном. Сначала учился у опытного животновода Курбанова, но очень скоро стал работать самостоятельно. Колхоз дал ему отару в семьсот голов. Овцы его сыты, ухожены, не раз спасал он отару от хищников. За добросовестный и честный труд правление колхоза неоднократно премировало его.

В один из январских дней чабаны поднялись рано: приметы говорили, что будет снег. К обеду так и случилось, а вечером поднялся такой буран, что на расстоянии полуметра ничего не различить. Трудно уследить за овцами в такую погоду, целая отара исчезла из поля зрения Эседа. Чабан, взяв собаку, бросился на поиски. Мокрая одежда промерзала, а Эсед все шел и шел, падал и снова поднимался, с барханов катился вниз кувырком. Вынослив был Эсед, но силы почти оставляли его. Вдруг он услышал далекий звон, так звенеть мог только колокольчик вожака отары. Отара была спасена. Под утро усталость свалила Эседа. Проснулся он рано, но встать уже не смог, обе ноги были отморожены. В районной больнице ампутировали полстопы. Но Эсед не мог расстаться с любимым делом, по-прежнему работал чабаном, водил отары в степи около колхоза. Только недавно он перешел на обработку хлопчатника и здесь справляется отлично. Видимо, такой он человек, Эсед Рейимбердыев, к любому делу относится с душой, всего себя отдает работе. Большое счастье, когда встречаешь в жизни таких людей, как Эсед.

Х. Г. САИТОВ, заслуженный врач Туркменской ССР

Туркменская ССР,
п. Фараб.

СТАРОЕ ФОТО

С марта 1942 года (почти сорок лет) хранится у меня фотография этой миловидной женщины с маленьким ребенком. Вот как она у меня появилась.

Зимой 1941/42 года я жила в деревне Прудки-Мальцево Андреевского (ныне Новодугинского) района Смоленской области. В нашем доме разместилась группа разведчиков. Я помню фамилию лишь одного из бойцов — пожилого солдата Долгушина. Однажды почтальон, еще совсем мальчишка, которого бойцы звали Харитошей, принес почту. Вдруг кто-то сказал: «Иван, Иван, так ждал и только двух дней не дожил до письма». Письмо, адресованное погибшему воину, вскрыли, и фотография пошла по

рукам притихших бойцов. На обратной стороне написано: «Дорогому мужу от жены Нели и сына Владимира. Ваня, вспоминай о нас чаще». Я оставила фото себе.

Фамилию этого человека, к сожалению, не помню, знаю, что он был командиром, похоронен недалеко от деревни Зюзюли. Может быть, Нели и Владимир, увидев фотографию, отзовутся и узнают, где похоронен родной им человек.

А. КЛИМОВА, пенсионерка

Смоленская обл.,
Новодугинский район.

ЭКОНОМИТЬ МЕТАЛЛ

Уважаемая редакция! Прочитал беседу с академиком А. И. Целиковым «Сплав» («Огонек» № 4). Еще острее почувствовал, как важно бережно относиться к металлу, экономить его.

В Кривом Роге, где я живу, увлеклись установкой ограждений вдоль улиц. Идея сама по себе неплохая: приучить пешеходов переходить улицу в нужном месте. Но стоит ли решать ее именно таким образом? В большом городе общая протяженность улиц составляет сотни километров. Сколько же тонн металла будет израсходовано, если поставить ограждения с обеих сторон улицы! К сожалению, это я видел и в других городах.

П. П. ДОБРЫНИН

Кривой Рог.

СПАСИБО ПИОНЕРАМ

Дорогая редакция! В годы войны пропал без вести мой родственник Андрющенко Петр Родионович. Следопыты Провальской восьмилетней школы Тукумского района Латвийской ССР разыскали, где похоронен близкий нам человек. Через «Огонек» я хочу сказать им большое спасибо. Нужным и добрым делом занимаетесь, ребята.

И. Т. АНДРЮЩЕНКО

Омская обл.,
с. Славянка.

ЖУРНАЛ С НАГРУЗКОЙ

В «Огоньке» № 14 было опубликовано письмо П. Ткачука, в котором он писал, что в киосках «Союзпечати» продают газеты и журналы с нагрузкой.

21 марта я решил купить очередной номер «Огонька». Но киоскер сказал, что один журнал не продается, а только с нагрузкой, и вложил в свежий номер журнала в качестве приложения книжку библиотечки «Огонек». Как вы понимаете, на приложение и так нашлись бы покупатели, а тут за все вместе надо платить пятьдесят копеек. Сколько я ни просил, один журнал мне так и не продали.

Киоск этот находится у дома № 36 по Октябрьскому проспекту.

А. ЛЕОНТЬЕВ

Московская обл.,
Люберцы.

ЖИВАЯ НИТЬ ВОЙНЫ

Прочитала в вашем журнале повесть Д. Холендро «Плавни» (№№ 4—8). Живую нить войны, ее горький дым и топи болот вижу воочию. И людей... Автор пишет не только рукой — сердцем. Емкие жизненные слова, мудрая плавная речь забирают читателя своей суровой правдой. Очень интересны иллюстрации художника Петровой.

Е. М. ЕМЕЛЬЯНЕНКО, инвалид Великой Отечественной войны

Ленинград.

НА РАДОСТЬ ЧИТАТЕЛЯМ

Юрий Бондарев принадлежит к писателям, которые многопланово и правдиво изображают жизнь людей. Образы его героев отражают нашу действительность на разных исторических этапах. Это относится и к его роману «Выбор», который печатался на страницах «Огонька». С каким нетерпением мы ждали следующий номер журнала, чтобы узнать судьбу персонажей романа! Читаешь, и перед тобой зримо, без лакировки проходят современники-патриоты, верные своей социалистической Родине, и те, кто искал легкой жизни за ее рубежами и остался перекати-полем, без отечества, любви и родных. Они нашли богатство, роскошь, но потеряли самое главное в своей жизни — Родину.

Писатель Юрий Бондарев сделал хороший творческий подарок нам, читателям. Желаем ему новых успехов.

Ф. ПЕРЕШИВКО, ветеран Великой Отечественной войны

Киевская обл.,
с. Капустинцы.

БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ

День и ночь идут народнохозяйственные грузы в г. Валуйки Белгородской области по железной дороге, а из города в районы они перевозятся автомобильным транспортом. Но вот горе, нет у нас дорог с твердым прочным покрытием, а старые совсем не ремонтируются. Я не говорю об асфальте, ямы и колеи хотя бы засыпали. В городе есть кирпичный завод, и надо использовать его отходы. А пока летят коробки передач, задние мосты, рессоры, трещат кузова. Из-за таких дорог и автотранспорт работает на износ. Подсчитать бы ущерб, который приносит государству подобная бесхозяйственность.

Посылаю одиннадцать фотографий, чтобы вы убедились, по какой трясине с ямами глубиной в полметра идут машины к складу химических удобрений и складу запчастей сельхозтехники. Хотелось бы, чтобы руководители горсовета сели за руль грузовика и проехали бы по этим дорогам. Они бы тогда всерьез задумались, легко ли нам, водителям, выполнить главные задачи одиннадцатой пятилетки.

В. П. АБРАМОВ, водитель

Белгородская обл.,
с. Нихаевка.

интервью «огонька»

В эти весенние дни Москва готовится встретить музыкантов и любителей музыки из разных стран: наша столица станет местом первого в Советской стране Международного музыкального фестиваля.

Инициатива организации этого грандиозного праздника музыки, получившая одобрение на XXVI съезде КПСС, принадлежит первому секретарю правления Союза композиторов СССР Тихону Николаевичу Хренникову.

Улицы и площади столицы уже украсились афишами и плакатами, возвещающими, что открытие фестиваля состоится 5 мая. Рабочий день Т. Н. Хренникова, председателя Оргкомитета фестиваля, сейчас как никогда уплотнен и творческой, и организационной, и преподавательской работой. Однако Тихон Николаевич охотно согласился рассказать «Огоньку» о предстоящем фестивале.

Т. Н. ХРЕННИКОВ, народный артист СССР

МОСКОВСКИ
МУЗЫКАЛ

— Достижения советской музыки, советских музыкантов давно получили широкое мировое признание. За десятилетия, отделяющие нас от Великого Октября, музыкальная культура народов страны сделала шаг вперед поистине огромный. Создана своя музыкальная классика — классика новой советской эпохи. На всесоюзную и мировую арену вышли композиторские школы народов, до революции вовсе не имевших профессиональной музыки. Авторитет советской музыки в мире огромен; посланцев нашего искусства повсюду встречают как друзей, глашатаев идей мира и гуманизма, свободы и социального прогресса. Тысячи, десятки тысяч любителей музыки стремятся приехать к нам в страну, чтобы послушать сочинения композиторов разных республик, познакомиться с исполнительским искусством артистов.

Высокий авторитет завоеван советской музыкой благодаря неразрывной связи ее с жизнью народа.

Все годы она оставалась верной передовым идеалам эпохи, помогала людям жить, трудиться, верить в лучшее будущее и бороться за него. Именно это сделало искусство советских композиторов авторитетным для прогрессивных музыкантов разных стран и континентов.

Это особенно важно, если учесть, что развитие искусства и, конечно, музыки в XX столетии происходит под знаком жестокой борьбы подлинно прогрессивного с реакционным; в обстановке сложной, не только открывающей новые, перспективные пути, но подчас уводящей даже и высокоталантливых мастеров в идейные тупики модернистских течений и бесплодных «авангардистских» экспериментов, губящих творчество, самую будущность...

В этих условиях особенно важно — и для каждого композитора и для мировой музыкальной культуры в целом — определить нравственные цели творчества. Такую надежную опору, которая позволила бы создавать нужные людям произведения, продолжающие великие традиции музыкального искусства прошлого. И, конечно, поддержать эти поиски, выявить все действительно талантливое, яркое, что накоплено и продолжает создаваться в музыкальном искусстве нашего столетия мастерами разных стран... Вот, в сущности, главные задачи нашего молодого нового фестиваля.

— Как известно, в мире проводятся разнообразные музыкальные фестивали, несхожие по масштабу и содержанию. В чем отличительные особенности московского праздника музыки, какое займет он место среди других музыкальных праздников?

— Прежде всего различие в самом содержании фестивальных программ. Нынешние, наиболее авторитетные музыкальные фестивали мира — а они проводятся действительно чуть ли не в каждом крупном культурном центре — являются в первую очередь фестивалями исполнительскими. Музыка современная, музыка XX века, составляет, как правило, лишь часть репертуара, притом не самую значительную. И чаще всего она «растворяется» в общем потоке других произведений. Есть, правда, и такие фестивали, которые целиком посвящены демонстрации музыки современной. Но, к сожалению, именно их репертуар составляется из произведений экспериментальных, зачастую спорных, а подчас откровенно рассчитанных на то, чтобы поразить аудиторию звучаниями необычными, чаще всего весьма далекими от настоящей музыки. Такие фестивали модернистского толка рассчитаны (в лучшем случае) на узкий круг специалистов, но уж никак не на широкую аудиторию, которая от подобной музыки давно отвернулась.

Московский фестиваль призван продемонстрировать подлинные, а не мнимые ценности. Показать большие возможности музыки XX века: ее классику и ее плодотворные искания. Сочинения, создаваемые в наши дни, обязательно должны быть обращены к слушателям-современникам, нести им высокие духовные и эстетические ценности, отвечающие девизу фестиваля.

— Видимо, такой направленностью и объясняется тот широкий отклик, который получила идея проведения московского фестиваля во всем мире. Ведь гостями столицы будут многие крупные музыканты?..

— Да, это так. И этот отклик лишний раз подтверждает, что мы выбрали правильный путь. Действительно, можно с уверенностью сказать, что ни одно музыкальное событие в мире никогда не собирало прежде стольких видных композиторов и музыкальных деятелей, как нынешний фестиваль. О своем согласии быть нашими гостями заявили мастера всемирно известные: Вирджилио Мортари и Пьетро Ардженто (Италия), Марин Големинов (Болгария), Жозе Сикейра (Бразилия), Андрей Оченаш и Эуген Сухонь (Чехословакия)... Свои произведения представят аудитории за дирижерским пультом Витольд Лютославский и Кшиштоф Пендерецкий (Польша), Франко Маннино (Италия), Ясуси Акутагава (Япония)... Всех не перечислить, потому что мы ожидаем на наш праздник в качестве исполнителей и гостей более полутораста зарубежных музыкантов. Сердечные пожелания успеха московскому фестивалю прислали старейшие мастера Европы и Америки: Карл Орф (ФРГ), Уильям Уолтон (Великобритания), Жорж Орик (Франция), Джанкарло Менотти (США)... Буквально за несколько дней до своей безвременной кончины один из крупнейших композиторов США, Сэмюэл Барбер, прислал телеграмму, горячо поддерживая идею проведения фестиваля в Москве. В память о Барбере, нашем коллеге и друге, в дни фестиваля Леонид Коган исполнит его Скрипичный концерт...

— Хотелось бы подробнее узнать о содержании фестиваля, о музыке, которая прозвучит на нем.

— Начав разрабатывать конкретные программы, мы еще раз убедились, какое море замечательной музыки создано в разных странах в нашем столетии. Отразить все лучшее — даже только самые достойные имена композиторов — не в состоянии ни один музыкальный праздник. Поэтому мы решили ограничить себя в жакровом отношении: на фестивале будет звучать лишь симфоническая, вокально-симфоническая и камерная музыка.

Основой, фундаментом фестивальных программ станут произведения классики XX века; с их именами связаны юбилейные даты, отмечаемые в этом году: 100-летие со дня рождения Б. Бартока, Н. Мясковского, Дж. Энеску, 90-летие со дня рождения С. Прокофьева, 75-летие со дня рождения Д. Шостаковича... Все они будут представлены в концертах. Прозвучит, в частности, монументальная Шестая симфония Мясковского — одно из первых произведений мировой музыки, отразивших великие революционные события Октября 1917 года. Будут исполнены также Второй концерт для скрипки с оркестром Б. Бартока, «Ода на окончание войны» и фортепианные сочинения С. Прокофьева, Камерная симфония Дж. Энеску, Пятнадцатая симфония и Праздничная увертюра Д. Шостаковича.

Рядом с этими сочинениями — произведения других мастеров, классиков искусства XX века, чье творчество во многом определило пути его развития. Это Игорь Стравинский, 100-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в будущем году, Арам Хачатурян (СССР), Бенджамин Бриттен (Англия), Джордж Гершвин (США), Золтан Кодаи (Венгрия), Эйтор Вила-Лобос (Бразилия), Богуслав Мартину (Чехословакия), Андрэ Жоливе (Франция), Любо-

Й
ЬНЫЙ

мир Пипков (Болгария), Нино Рота (Италия). Этих музыкантов уже нет с нами, но их творчество продолжает волновать людей, ибо оно воплотило все, чем жило и живет человечество в XX веке.

Вместе с тем значительное место займут на фестивальной афише и сочинения признанных мастеров, которые своим искусством обогащают современную музыку. Наряду с названными уже К. Орфом, Ж. Ориком, У. Уолтоном здесь старейший норвежский композитор Харальд Северуд, француз Анри Дютийе и итальянец Марио Зафред, американские композиторы Уильям Шумен и Питер Меннин, Ханс Вернер Хенце (ФРГ) и Йонас Кокконен (Финляндия)...

Хочется подчеркнуть, что подчас и сами произведения и биографии авторов напоминают о том, что в наше время музыка и музыканты неразрывно связаны с жизнью, величайшими событиями эпохи, с народом. Непосредственными участниками антифашистской борьбы в годы второй мировой войны были композиторы Карлос Паласио (Испания), Эрнст Герман Майер (ГДР), Властимир Николовский (Югославия). Героям, отдавшим свою жизнь за свободу, посвятил вокально-симфоническую поэму «Хатынь» кубинский композитор Роберто Санчес Феррер, а молодой вьетнамский композитор Нгуен Синь воспел в своей кантате «Край единый» освобождение родины от империалистического гнета и войны, навязанной захватчиками...

Музыкантов вдохновляет сама жизнь. Она рождает новые, интересные замыслы и самое их осуществление.

— Музыка — искусство особое, обладающее уникальной способностью преодолевать границы между странами, помогать упрочению контактов между людьми. Видимо, это отражается в программе фестиваля.

— Вся программа именно так и задумана, чтобы подчеркнуть эту великую объединяющую силу нашего вида искусства. Мы знаем, что только самобытное искусство, настоящее, выросшее на почве национальных традиций и в то же время отражающее сегодняшний день, способно перешагивать границы, становиться интернациональным. Примечательно, что в дни фестиваля мы познакомимся наряду с произведениями композиторов Европы и Америки еще и с творчеством мастеров музыкального искусства Азии, своеобразно претворяющих и достижения европейской музыки и национальные традиции. В их числе наряду с Нгуен Синем и Акутагавой также старейший композитор Монголии Самбын Гончиксумла. Продемонстрируют свое искусство музыканты стран Азии, работающие в традиционной, классической манере.

— А каковы исполнительские силы фестиваля?

— В расположение организационного комитета предоставлены ведущие артистические коллективы страны. Государственный академический симфонический оркестр СССР, руководимый Е. Светлановым, Большой симфонический оркестр Гостелерадио СССР во главе с В. Федосеевым, Академический симфонический оркестр Московской государственной филармонии во главе с Д. Китаенко. Из Ленинграда приедут симфонический оркестр филармонии, возглавляемый А. Дмитриевым, и Камерный оркестр под руководством Э. Серова; из Риги — Государственный оркестр Латвийской ССР (руководитель — В. Синайский).

В нескольких концертах примут участие лучшие московские хоровые коллективы. Всеобщее внимание привлечет, естественно, концерт Святослава Рихтера, который исполнит фортепианные произведения Прокофьева. Среди многих других артистов назову певицу И. Архипову, скрипачей Л. Когана, И. Ойстраха, Г. Жислина, арфистку В. Дулову, пианистов В. Кастельского и Б. Петрушанского. С интересом ждем мы и выступления зарубежных солистов — певицы Линды Херст (Великобритания), органистки Ярославы Потмишиловой (Чехословакия), гитариста Хесуса Ортега (Куба), дуэта Урсула Холигер (арфа) и Хейнц Холигер (гобой) из Швейцарии, пианистки Лилиан Зафред из Италии. Впрочем, перечислить участников праздника невозможно, нечего и пытаться.

— А где будут проходить концерты?

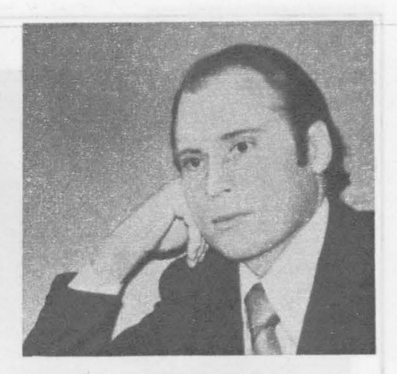
— Вся программа фестиваля прозвучит в двух старейших «храмах музыки»: Колонном зале Дома союзов и Большом зале консерватории, где 5 мая состоится торжественное открытие праздника, а 11 мая — заключительный концерт.

Победителей (а значит, и побежденных) у нас не будет...

Еще и поэтому хочется верить, что наш фестиваль станет праздником дружбы, получит широкий резонанс как в Советском Союзе, так и за его пределами, укрепит в сердцах композиторов веру в высокую этическую силу искусства, а слушателям принесет множество ярких, незабываемых впечатлений.

Алексей МЕНЬКОВ

СКОЛЬКО В ДОМЕ СЧАСТЬЯ

ГОСТЬ

Обвеянный первой пургой,
Негаданный, но—дорогой,
Вошел, и в квартире моей
Вздохнули просторы полей.
Комбайнер—шутник и рыбак,
Сам рословский, словом, земляк.
Сидим с ним до самой зари.
Воркуют уже сизари.
А к нам не идет что-то сон.
И друг мой опять огорчен,
Что в Рословке нашей луна,
Считай, никому не нужна.
Взойдет она в полной красе,
Влюбленных — раз-два, да и все.
«А помнишь — ты был холостяк...»
Вздыхаем и я и земляк.
И хочется бросить мне все —
Судьбы повернуть колесо,
Чтоб в Рословке нашей луна
Нужна была, очень нужна.

●

Покидаю столицу. На лето
Уезжаю в глубинную глушь,
Где подростком не спал
До рассвета
В пору зрелости яблок и груш.
Поселюсь в тишине постоянной.
Ни обид, ни удач, ни потерь...
Лишь во сне, может быть,
Очень странно
Я увижу знакомую дверь,
За которой мольберты, эскизы
И усталая женщина спит.
И как будто решительный вызов,
Одинокая лампа горит.

●

Женщина испугалась
Первой седины.
Будто в чем-то обвинялась
Жизнью
Без вины.
Кажется, и не страдала —
Некогда страдать.
Кажется, вчера узнала:
Завтра —
Тридцать пять.
Тридцать пять...
А где же двадцать,
Где семнадцать лет?..
Дочки в зеркало глядятся.
В их глазах ответ...
Женщина на стул присела,
Взгляд свой отвела:
— Вон уж сколько я успела...
Значит, жизнь была. —
Улыбнулась:
— Я седая.
Что за ерунда...
...Воет вьюга молодая,
Стонут провода.

●

Летим с дочуркой с горки
На санках. Э-эх, держись!
Сороки-тараторки
Завидуют, кажись.
...Забудь про все на свете.
Душа, гори, пылай.
Мы тоже были дети,
О том не забывай.
Черствеет корка хлеба,
Тебе черстветь нельзя.
...Летит за нами небо,
По елочкам скользя.

Держись, дочурка, крепче,
Веселых веселей.
Мне в трудном будет легче
От радости твоей.

●

Марии

Ты на «Скорой помощи»
Сутками мотаешься,
На предельной скорости.
Всем помочь стараешься.
И усталая домой
Утром возвращаешься.
И к тебе мы, как к больной,
Робко обращаемся.
И ребята, спишь пока,
Говорят вполголоса.
Тишина, как в ледниках
Северного полюса.
Ты проснулась.
В их глазах
Засияло солнышко.
И дочурка на руках —
Золотая Золушка.
Сын подходит с дневником.
Тут соседка: — Здрасте!
Улыбаюсь я тайком —
Сколько в доме счастья!..

●

Берег Волги. Полночь. Тишина.
Катер у причала отдыхает.
Путешественнику не до сна —
Жизни суть всю жизнь
он постигает.
Знает он жестокие бои,
Знает вес фашистского металла.
Сотни раз старались соловьи
Для него
У каждого привала.
Думает бывалый человек,
Думает о выдумке и были,
Думает о тех,
Кто весь свой век
По теченью радужному плыли.
Думает о тех, кто пал в борьбе,
Путь кому к спокойным дням
заказан.

Думает тревожно
О себе —
Чем еще судьбе своей обязан?..

ВЕТЛА

Гостей встречает,
Провожает,
На всей околице
Одна.
Весной —
В тумане быстро тает,
Зимой —
Издалека видна.
Подходят к ней —
Считают, дома.
К ней из дому —
Уже в пути.
Лишь ей знакомо,
Ей знакомо,
Как трудно матери идти
Обратно,
Распрощавшись
С сыном
Всегда
Под кронами ее.
И как ей все это
Посильно
Сквозь одиночество свое!..

Анатолий **СОФРОНОВ**

ДОРОГА ЧЕРЕЗ АФГАНИСТАН

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

Меня имя Мирзо Турсун-заде привлекло с первых строк, с которыми мне пришлось познакомиться в печати. Еще тогда молодой таджикский поэт как-то по-своему, по-особому находил сокровенные слова о своей родной земле, о тех, среди кого вырос; и, даже еще не бывая в Таджикистане, я представлял и горные вершины, и белоснежный Памир, и все, что связано было с этой небольшой республикой, своеобразной, непохожей на другие.

Вот эта непохожесть и прошла через поэзию Мирзо Турсун-заде, с которым нас свела судьба не просто писательской дружбы, но и общественных дел в Организации солидарности народов Азии и Африки. В свое время, в 1955 году, и мне пришлось представлять в подготовительном Комитете в Дели советскую сторону и готовить первую конференцию солидарности народов Азии. Председателем Советского комитета был избран Мирзо Турсун-заде, а на первую Конференцию в Дели была направлена большая делегация советских общественных деятелей, возглавляемая Николаем Семеновичем Тихоновым.

Но наше знакомство с Турсун-заде произошло раньше, и началось оно с короткой встречи в Ташкенте, перед тем, как отправиться в Лахор, один из самых крупных городов Пакистана. Там должен был состояться первый конгресс прогрессивных писателей этой страны. Мы летели в Пакистан с Николаем Тихоновым, узбекским прозаиком Айбеком и Мирзо Турсун-заде.

Для меня это было первое знакомство не только с Пакистаном, но и вообще с Азией. А Афганистан, который мы должны были миновать, был для меня не только первой азиатской, но и вообще зарубежной страной. Мы прилетели в Кабул, в котором тогда было всего лишь несколько европейских зданий. Первое, что бросилось в глаза,— это страшная нищета и бедность, на улицах мы видели истощенных, грязных людей, одетых в тряпье.

Уже после того, как мы покинули Кабул, чтобы взять курс на машинах на Лахор, мне запомнился первый разговор Мирзо Турсун-заде около заправочного пункта с древним стариком, голова которого была обвязана серой грязной чалмой. Рядом со стариком стоял молодой красивый юноша. Мирзо Турсун-заде спросил, сколько ему лет. Юноша не смог ответить. Тогда Мирзо спросил старика:

— Куда идете?

— В Джелалабад.

— Пешком?

— Пешком.

От Кабула до Джелалабада было сто восемьдесят километров.

На автобус денег у старика не было.

Старик неожиданно спросил Турсун-заде:

— Есть ли у вас хлеб до весны?

— Конечно, есть,— ответил Турсун-заде.

Старик тяжело вздохнул; у него не было хлеба на зиму.

У границ Пакистана, вблизи от Хайберского прохода, плохо вооруженные афганцы в 1919 году мужественно отбивали попытки англичан прорваться в Афганистан и поработить страну. Англичане не прорвались в ту пору. Прорвались в Афганистан американцы, плотно вошедшие в экономику страны, закупая и отправляя в Америку бесчисленное количество серого каракуля и доставляя взамен этого машины «шевроле» с ненадежными моторами, сигареты и гнилые носки.

Мы не сразу миновали афгано-пакистанскую границу. Мирзо отлично говорил на фарси, и седобородый пограничник, услышав, что Турсун-заде говорит на фарси, спросил, откуда он знает этот язык.

— Я не только знаю язык, но знаю стихи великолепного поэта Пакистана Икбака.— И прочел на память стихи пакистанского поэта.

Это была короткая поездка через Афганистан. Она имела свои познавательные стороны: мы увидели действительно страшную жизнь, раскаленную пустыню, в которой брели женщины босиком по острым камням, неся на головах тяжелые корзины. Это запомнилось, осталось на всю жизнь.

«ЗА КРАСОТУ ВРЕМЕН ГРЯДУЩИХ»

Ополченцы сорок первого... Седоусые рабочие и вчерашние мальчишки с едва пробивающимся пушком над верхней губой, накануне еще беззаботно гонявшие мяч во дворах, до зари корпевшие над учебниками и робко переминавшиеся под часами. Вузовские профессора и виртуозы-музыканты, садоводы, археологи, юристы. Одинокие и многодетные, здоровые и не очень... Сколько их, безымянных, нестройной колонной в кургузых солдатских шинелях прошло по городским мостовым, чтобы успеть только раз подняться под огнем в атаку. Скольким из них довелось изведать кошмар окружения, счастье первых наступлений, мучительную ярость последних шагов к Победе.

Тяжелым воинским ремеслом они овладевали уже на марше, в бою. Они не думали о подвиге и совершали его каждый день, каждый час, выполнив свой долг до конца. Вечным огнем славы озарено их высокое гражданское имя — «ополченцы». И наш долг им неизбывен. С трепетным вниманием вглядываемся мы сегодня в их пожелтевшие фотографии, перечитываем строки дошедших писем, стихов. Властный долг памяти вновь и вновь заставляет людей живущих рассказывать о них в стихах и прозе, сверять по ним свои дела и мысли. Выходят книги и будут выходить еще. Но сколько бы ни было сказано о тех людях и тех днях, не сказанного остается больше. И каждое поколение будет прибавлять к этому свое слово. К счастью, пока его говорят живые свидетели и участники подвига, ветераны того, фронтового поколения.

Один из них — Иван Лазутин, чей новый роман посвящен бойцам Московской ополченческой дивизии, сформированной в июле 41-го. Свое боевое крещение она приняла под Клязьмой. А затем были отчаянные бои в окружении, прорыв вражеского кольца, выход к своим и продолжение огненной сечи на подступах к Москве...

Роман начинается промозглой мартовской ночью Петрограда 1921 года, где «в седьмой палате хирургического отделения госпиталя умирал от тяжелых ран Илларион Дмитриевич Казарин», красный командир, по решению X съезда РКП(б) брошенный со своим полком на ликвидацию Кронштадтского мятежа следом за »

Иван Лазутин. В огне повенчанные. М., «Воениздат».

Три недели мы были в Пакистане. Три недели насыщенной жизни, встреч, сложных в ту пору. В Пакистане пахло пожаром, и пепел носился по улицам. Погибло много людей. Компартия Пакистана была в подполье. Прогрессивные деятели требовали легализации генерального секретаря Компартии Пакистана Захира, писателя, с которым мы через несколько лет познакомились и стали друзьями. Именно там, в Пакистане, мы увидели, познакомились и пользовались гостеприимством талантливейшего современного поэта Пакистана Фаиз Ахмад Фаиза, проходившего сложный жизненный путь, не один раз сидевшего в тюрьмах, живущего сейчас в Бейруте, ныне являющегося главным редактором журнала «Лотос», органа писателей Ассоциации стран Азии и Африки.

Но настало время отправиться нам через Афганистан домой, в Советский Союз. У границы Хайберского прохода снова увидели десятки мемориальных досок, впаянных в скалы вдоль дороги. На них — наименования английских воинских подразделений, погибших в сражениях с афганцами. Досок было много.

На этот раз нас не задерживали ни на лишнюю минуту. Все прогрессивные пакистанские писатели были изолированы от нас. Даже в Пешаваре, в котором мы провели последнюю ночь. Так мы и уехали из Пешавара, памятного города, в котором жил Киплинг и в котором он написал знаменитого «Маугли».

За эти три недели мы очень сдружились с Мирзо Турсун-заде. В номерах жили всегда вдвоем. У нас с Мирзо был шофер Азис, темпераментный, нервный афганец. Нас спасало то, что Мирзо разговаривал с ним на фарси. Дорога была круто извивающейся, и, не скрою, мы иногда с ужасом смотрели то на спидометр, то на крутые склоны. И как-то я сказал Турсун-заде:

— Мирзо, попроси его, чтобы он поехал потише, ей-богу, мы же едем домой, надо добраться.

Мирзо обратился к своему соседу-шоферу, и мгновенно машина пошла со скоростью десять километров в час. Азис не любил, когда ему давали указания.

Я пишу эти давние воспоминания, потому что хочу показать, что не только поэтическая слава окружала этого замечательного поэта, стихи которого мы читали и на берегах Тихого, Атлантического и Индийского океанов, но для нас он всегда был, есть и останется во всех поколениях таджикским классиком, который наряду с высотами поэзии хорошо знал обыкновенную жизнь людей.

Так, однажды все в той же поездке Мирзо попросил Азиса остановить машину возле невысоких посевов хлопка. Мы вышли из машины. Подошли Айбек, Тихонов. Айбек спросил работающих, знают ли они Навои? Они знали. Это были узбеки, живущие в Афганистане. Турсун-заде поинтересовался урожаем хлопка. Выяснилось, что здесь, в Афганистане, урожай хлопка в четыре-пять раз меньше, чем в Узбекистане и Таджикистане. Это было видно и так: тощие белые пучки выглядывали из коричневато-красных коробочек.

Когда мы снова тронулись в путь, Азис сказал:

— Я знаю, ваше государство — это государство моторов. У вас всюду моторы — и на полях и на фабриках. Ходят большие машины.

— Откуда ты это знаешь?— спросил Турсун-заде.

Азис ответил:

— У меня есть дядя, который имеет книгу по истории, и там об этом написано.

Вскоре мы достигли берега Амударьи. На другой стороне, переливаясь, сияли электрические огни. Это был уже наш, советский город Термез.

На следующий день мы перебрались через Амударью и оказались на своей земле.

Сейчас, когда вспоминаешь встречи с Мирзо Турсун-заде, долгие наши вечера, чтение его новых стихов, навсегда оставшихся в сердце, невольно думаешь о том, что в этом человеке жил истинный талант поэта, который любил свою землю, любил свою Родину и знал, хорошо знал подлинную цену дружбы народов.

И не случайно именно он написал прекраснейшую поэму, в которой воздавал должное и нашим, советским народам и народам других стран, которые не просто дружески относятся к Советской стране, но и глубоко чтут и понимают, что они значат для советского человека.

Голос души моей,
Сладкозвучная песня моя,
С голосом Азии слился,
Каждое слово к слову:
Горы Таджикистана,
Цветущая наша земля.
Голос моих друзей,
Будто рожденных снова.

Место свое узнал я —
В рядах созидателей счастья:
Быть победителем может
Каждый, кто в жизни смел.
Наши народы рядом,
Общего целого части.
Каждый народ, как птица,
В небо родное взлетел.

И нет такой силы,
Что уничтожит волю,
Что растоптать сумеет
Дух свободных людей!
Слышу я голос Азии,
Близкий, родной до боли;
Кровь закипает Азии
Все горячей и сильней!

СОБРАТ И СОРАТНИК

Вышел первый номер болгарского двухмесячного журнала «Факел» — издания, целиком посвященного советской литературе. В журнале будут публиковаться новые произведения советских писателей и советская классика в переводах лучших литераторов братской Болгарии.

Переводы русских книг очень популярны в Болгарии, их выполняли такие выдающиеся писатели, как Д. Полянов, Х. Смирненский, Г. Милев, Г. Бакалов... Теперь же болгарские читатели получили прекрасное периодическое издание, в котором будут отмечаться важнейшие события, происходящие в советской литературе, а также публиковаться репродукции картин, публицистические и литературно-критические материалы.

Только что вышедший в свет номер журнала открывается «Песней о Буревестнике» М. Горького, опубликованной на русском языке и в пяти переводах — Христо Радевского, Божидара Божилова, Орлина Орлинова, Ивана Теофилова, Кирилла Кадийского. Революционная романтика великого пролетарского писателя как бы задает тон всем дальнейшим публикациям, среди которых произведения Г. Маркова, В. Катаева, М. Шагинян, Вс. Иванова, Р. Рождественского, В. Солоухина, Ю. Трифонова и многих других писателей. Словом, уже первый номер журнала превратился в своеобразную, со вкусом и знанием подобранную, прекрасно оформленную антологию советской литературы.

Особенно хочется отметить, что наряду с художественными и публицистическими произведениями в новом журнале есть отдел публикаций (в вышедшем номере печатаются письма К. Симонова). Многие интересные документы, практически недоступные широкому зарубежному читателю, могут быть опубликованы в болгарском переводе на страницах «Факела», ощутимо раздвигая для болгарских друзей горизонт советской литературной жизни.

«Прогрессивные писатели планеты,— пишет в приветствии «Факелу» Л. М. Леонов,— с радостью принимают в свой отряд нового собрата и соратника, издание Союза болгарских писателей «Факел».

«Огонек» присоединяется к этим словам и желает «Факелу» неугасимо гореть во имя укрепления болгаро-советской дружбы и культурного сотрудничества.

Ф. ИВАНОВ

делегатами съезда во главе с Климом Ворошиловым. Трехлетний сын Казарина, Гриша, вместе с матерью и дедом-академиком видевший, как под звуки «Интернационала» опускали в могилу гроб с телом отца, спустя двадцать лет встанет на его место в битве с фашизмом.

Так возникает в книге тема преемственности подвига, эстафеты поколений.

Через весь роман проходит колоритный образ командира ополченческой (потом она станет регулярной) дивизии генерала Веригина. В каждом его слове, в поступке, в приказе мы видим мужественного и опытного командира, за которым солдаты пойдут на смерть. Выходец из глубин народа, хлебнувший в детстве нужды, пройдя суровую школу жизни, генерал Веригин в самые критические минуты окружения остается до конца верен присяге и находит в себе силы внушить подчиненным веру в непобедимость нашей армии. Дивизия генерала Веригина стала наконечником стрелы (а в этой стреле было четыре окруженных под Вязьмой армии), прорывающей бронированное кольцо окружения.

С огромными потерями, тяжело раненный Веригин выводит остатки своей дивизии на Можайский рубеж обороны. Горсточка израненных знаменосцев вынесла знамена на священное Бородинское поле, к Багратионовским флешам, где некогда решалась судьба России.

Всего лишь в одной главе предстает перед нами образ генерала Лукина, на плечи которого лег тяжкий жребий вывода из окружения четырех армий. Но и в этой единственной главе мы видим масштабную фигуру советского военачальника-коммуниста, который в трагической обстановке безысходности находит единственно верное решение.

Действуют в романе и такие лица, как Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков и другие военачальники и политические деятели. В обрисовке этих образов автор романа придерживался принципа строгого документализма, отчего художественная ткань романа только выиграла. Здесь достоверность истории работает на драматизм событий.

Прослеживая истоки нравственной силы и духовного единства нашего народа, писатель любовно рисует на страницах романа образы отца и сына Багровых. Старый московский рабочий, научившийся управляться с «максимом» еще в гражданскую, не отстает в пулеметном расчете от своего младшего, Егора. И в глаза командующему артиллерией Красной Армии он смотрит спокойно и с достоинством, как равный равному по ратному труду. А тот, как с равным, прощается с ним, благодаря за верную службу Отечеству, за славный пример, за сына.

Рядом с генералом Веригиным, Казариным и Багровым-младшим, мужественно принявшими на свои юношеские, неокрепшие плечи все безмерные тяготы войны, мы встретим в осклизлых окопах, на лесных просеках прорыва, в заснеженном поле генерала Веригина, полковника Реутова, солдат-ополченцев, сроднившихся в одну большую семью бессмертных защитников Москвы, впереди у которых были еще Смоленск и Сталинград, Днепр и Висла, был Берлин.

В. ШАТИЛОВ,
генерал-полковник запаса,
Герой Советского Союза.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАЙФУ

Гассан КАНАФАНИ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Жена сделала шаг вперед и спросила:

— Можно войти?

Старая, полная, невысокая женщина в голубом платье в белый горошек не поняла вопроса. Тогда Саид повторил фразу по-английски. Старуха кивнула, жестом пригласила их войти и сама прошла вперед.

Саид с Сафией осторожно и медленно последовали за ней. Они с удивлением узнавали окружающее. Прихожая показалась Саиду меньше, чем он помнил, и очень сырой. Он увидел многие вещи, которые когда-то да и, впрочем, теперь считал близкими и дорогими и представлял себе их своей священной собственностью, которую никто не имел права трогать или видеть. Фотография Иерусалима была на старом месте. На противоположной стене по-прежнему висел небольшой сирийский коврик.

Он двигался по комнате, внимательно осматривая, обнаруживая постепенно или сразу знакомые предметы, как бы приходя в себя после длительного обморока. Войдя в гостиную, он увидел, что из пяти их кресел сохранилось два. Три других кресла казались какими-то грубыми и не соответствовали интерьеру. В середине комнаты стоял все тот же стол, украшенный перламутровой инкрустацией, теперь несколько потускневшей. На месте стеклянной цветочной вазы он увидел деревянный кувшин с павлиньими перьями. Он помнил, что перьев должно быть семь. Саид попытался сосчитать их, но не смог. Тогда он подошел к кувшину и насчитал только пять.

Когда повернулся, чтобы сесть, он заметил на окнах новые синие, с продольными полосами шторы, а прежних, связанных Сафией крючком из белых ниток, не было.

Взгляд его остановился на Сафии. Он увидел, что и она в растерянности осматривает комнату, как бы считая недостающие вещи. Полная женщина сидела в кресле и смотрела на них с ничего не выражающей улыбкой на лице. Наконец она, по-прежнему улыбаясь, сказала:

— Я уже давно жду вас.

Она говорила по-английски медленно, с немецким акцентом. Казалось, что слова, произносимые ею, доносятся из глубокого пыльного колодца.

Саид немного подался вперед и спросил:

— Вы знаете, кто мы?

Она утвердительно покивала головой, подумала немного, видимо, подбирая слова, и медленно сказала:

— Вы хозяева этого дома, и я знаю это.

— Откуда вы знаете?— Саид и Сафия задали этот вопрос одновременно.

Старуха снова улыбнулась и ответила:

— По всему: по фотографиям, по тому, как вы стояли перед дверью. Много людей приезжает сюда после войны. Они смотрят на дома и заходят в них. Я все время говорила, что вы обязательно приедете.

Внезапно на ее лице появилась растерянность. Она смотрела на вещи в комнате, будто впервые видя их. Саид и Сафия машинально следили за ее взглядом. Саид подумал: «Странно! Три пары глаз смотрят на один и тот же предмет, но каким разным он им кажется!»

Он услышал тихий голос старухи:

— Я сожалею, но произошло именно так. Я никогда не думала об этом в связи с тем, что происходит.

Саид горько улыбнулся. Он не знал, как объяснить ей, что приехал не из-за этого, не собирается вступать в политическую дискуссию и знает, что старуха не виновата.

«Не виновата? Нет, не совсем так! Но как объяснить ей это?»

Неожиданно Сафия избавила его от этой необходимости. Она спросила наивным голосом, а Саид перевел вопрос на английский:

— Откуда вы приехали?

— Из Польши.

— Когда?

— В 1948 году.

— А точнее?

— 1 марта 1948 года.

Наступило тягостное молчание. Все смотрели по сторонам. Наконец Саид спокойно сказал:

— Разумеется, мы приехали не для того, чтобы сказать вам: «Убирайтесь отсюда!» Для этого нужно воевать.

Сафия сжала его руку, как бы умоляя не продолжать. Он собрался с мыслями, чтобы подойти к основному предмету разговора:

— Я хочу сказать только, что ваше пребывание здесь, в этом доме, нашем доме, который принадлежит мне и жене,— это отдельный вопрос. Мы приехали сюда только посмотреть на вещи, наши вещи. Может быть, вы поймете нас...

Она быстро ответила:

— Я понимаю, но...

Внезапно он вышел из себя:

— Что «но»? Какое страшное, смертельное, кровавое «но»!

Он замолчал, почувствовав на себе взгляд Сафии, и подумал, что так он никогда не заговорит о деле. Здесь какое-то неизбежное, невероятное столкновение, с которым нельзя не считаться. А то, что происходит,— это всего лишь бесполезный диалог.

На мгновение ему показалось, что надо встать и уйти. Его уже ничто не волновало. Жив Халдун или мертв — в сущности, не важно. Когда дело принимает такой оборот, то говорить больше не о чем. Им овладело чувство горькой обиды и безысходности. Он почувствовал, что вот-вот взорвется. Его взгляд остановился на пяти павлиньих перьях в деревянном кувшине. Он увидел, как их невероятной красоты цвета переливаются при малейшем дуновении ветра из открытого окна. Неожиданно для себя он грубо спросил, указывая на кувшин:

— Здесь было семь перьев. Где еще два?

Старуха посмотрела туда, куда показывал Саид, потом перевела на него вопросительный взгляд. Саид по-прежнему указывал на кувшин и пристально смотрел на старуху, требуя ответа. Казалось, что судьбы всего мира зависят от ее слов. Она встала, подошла к кувшину, взяла его в руки, будто впервые, затем медленно сказала:

— Я не знаю, куда делись два пера, о которых вы говорите. Не помню. Может быть, Дов играл с ними и потерял, когда был маленький.

— Дов?— одновременно спросили Саид и Сафия. Они вскочили и напряженно посмотрели на старуху.

Та продолжала:

— Да, Дов. Я не знаю, как его звали раньше, но могу сказать, что он похож на вас...

3

Теперь, после этого сумбурного рассказа, пришла пора все расставить по порядку.

Итак, что же произошло между средой двадцать первого апреля, когда Саид с женой покинули Хайфу на лодке, приготовленной англичанами, с которой их через час вышвырнули на живописном берегу Акки, и четвергом 29 апреля 1948 года, когда человек из Хаганы[1] и старик с куриным лицом открыли дверь квартиры Саида в Халисе, и в нее вошел прибывший из Польши Иврат Кошн с супругой, получившие жилье через департамент по выморочному имуществу в Хайфе?

Ранним мартовским утром Иврат и его жена въехали в Хайфу с помощью Еврейского агентства в Милане. Покинув Варшаву с небольшой группой в начале ноября 1947 года, Кошны поселились в квартирке на окраине этого крупного итальянского города, заполненного в то время переселенцами, а в начале марта морем добрались до Хайфы.

Выполнив все формальности, Кошны сложили свои пожитки в грузовичок и поехали через шумный порт, заполненный английскими солдатами, арабскими рабочими и забитый товарами, по встревоженным улицам, на которых время от времени слышались выстрелы, пробираясь в Хадару, где их разместили в многолюдном доме.

Устроившись и осмотревшись, Кошн выяснил, что весь дом заселен одними иммигрантами, ожидавшими, когда им дадут постоянное жилье. Он не знал, был ли этот дом гостиницей иммигрантов или переселенцы просто называли его так в разговорах.

Очень может быть, что Иврат не раз видел Халису со своего балкона, но ему и в голову не приходило, что он будет там жить. Он полагал, что, когда все уладится, они с женой переедут в тихий деревенский домик, расположенный где-нибудь на склоне Галилейского холма. Иврат вообще мало тогда знал о Палестине, которая рисовалась ему сценой, где разыгрывались библейские легенды. Он с детства запомнил картинки из книг о библии. Ему никак не верилось, что земля эта просто пустыня, которую через две тысячи лет после библейских событий заново открыло Еврейское агентство. В конце концов, думал он, не это важно. Иврат жил в гостинице, и ожидание было его единственным занятием, впрочем, как и для остальных постояльцев.

Может быть, потому, что, едва покинув порт, Иврат услышал уличную стрельбу, он изо всех сил старался не думать о том, что в Хайфе происходит что-то страшное. Ему еще ни разу в жизни не доводилось встречаться с арабом. Первого араба он увидел в Хайфе только года через полтора после ее оккупации. Когда тревожные мысли приходили ему в голову, он старался отогнать их, создавая себе туманную картину того, что происходило на самом деле, картину, которая не противоречила бы его мечтам времен Варшавы и Милана. Поэтому бои, отзвуки которых он

[1] Хагана — полулегальные вооруженные силы сионистов, основанные в 1920 году в целях борьбы против местного населения.

Продолжение. См. «Огонек» № 17.

слышал, бои, сообщения о которых он каждое утро читал в «Палестин Пост», шли для него между людьми и призраками — не более.

Где же он был в среду, 21 апреля 1948 года, когда Саид в растерянности метался между улицами Алленби и Холюль, а Сафия, обогнув торговый центр, бежала к улице Стентона?

Сейчас уже невозможно вспомнить детали. Иврат знал только, что наступление, которое началось в среду утром, продолжалось до вечера следующего дня. И только наутро в пятницу, 23 апреля, он понял, что все кончилось и отряды Хаганы стали полными хозяевами Хайфы. Что именно произошло, он толком и не знал: стрельба началась в Хадаре, а о том, что было дальше, он узнавал по радио и из сбивчивых, путаных рассказов людей, приходивших в гостиницу. Было известно, что три батальона под командованием полковника Моше Кармателя наступают из Хадара, Кермеля и торгового центра. Один батальон должен был окружить Халису и Рашмию, захватить мост и двигаться к порту. Батальон, расположенный у торгового центра, должен был направить бегущих арабов по улице к морю. Иврат не знал города, но от частого повторения запомнил названия улиц и районов. Часто произносились вместе слова Иргун[1] и долина Наснас, из чего он заключил, что отряды террористов поведут наступление на долину.

[1] «Иргун цвей леуми» — террористическая сионистская организация.

Иврату не надо было объяснять, что англичане собираются передать Хайфу в руки Хаганы. Он уже несколько раз видел, как они вместе патрулируют улицы города. Сейчас он уже не помнил, кто ему рассказал о бригадире Стокуэлле. Среди палестинцев ходили слухи, что Стокуэлл договорился с Хаганой и втайне назвал срок вывода английских войск. Арабы считали, что англичане уйдут позднее, поэтому Хагана получила возможность рассчитывать на внезапность своих действий.

В среду и четверг Иврат вообще не выходил из гостиницы — всем велели оставаться на местах. Только некоторые постояльцы осмелились выйти на улицу в четверг. Иврат решился на это лишь в субботу утром. Сразу бросилось в глаза отсутствие машин на улицах. Да, это была настоящая еврейская суббота. Иврат, и сам не понимая почему, вдруг расплакался. Он посмотрел на жену и увидел, что она тоже плачет.

— Да, это настоящая суббота,— сказала Мириам.— Но я плачу из-за другого. Нет больше ни настоящей пятницы, ни воскресенья.

Впервые после приезда жена заставила его задуматься над тем, что он раньше не хотел видеть. Следы обстрела, которые он теперь начал замечать, приобрели для него новый смысл. И все-таки он твердо решил не позволять себе думать об этом.

Мириам воспринимала все несколько иначе. Она сильно изменилась с того дня, когда увидела около церкви Вифлеема в Хадаре двух парней из Хаганы. Они несли к «джипу» какой-то сверток. Она успела разглядеть, что́ в свертке, и, вздрогнув, схватила мужа за руку:

— Смотри!

Иврат посмотрел, куда показывала жена, но ничего не понял. Парни вытирали руки о защитные рубашки.

— Это же мертвый арабский ребенок,— прошептала Мириам.— Я видела. Он весь в крови.

Муж взял ее под руку, перевел на другую сторону и спросил:

— С чего ты взяла, что это арабский ребенок?

— Ты что, не видел? Они швырнули его, как полено. Если бы ребенок был еврейский, они бы так не сделали.

Он хотел спросить ее, почему, но посмотрел ей в лицо и замолчал...

Мириам потеряла отца в Освенциме восемь лет назад. Когда немцы нагрянули в квартиру, где они жили с мужем, Иврата не было дома, а она сама успела спрятаться у соседей этажом выше. Немцы никого не нашли и уже спускались по лестнице, но тут им попался десятилетний брат Мириам. Скорее всего, он шел сказать сестре, что отца увели в концлагерь. При виде немецких солдат он бросился бежать. Она видела это через узкое окно, выходившее на лестничную клетку, а потом услышала выстрел...

Когда Иврат и Мириам пришли в гостиницу, жена твердо решила вернуться в Италию. Но ни в тот вечер, ни в последующие дни она

не смогла уговорить мужа. Мириам не могла найти слова, чтобы объяснить мужу, что с ней творится, и поэтому он неизменно брал верх в их спорах.

А через неделю произошло событие, которое все изменило. Иврат вернулся из Еврейского агентства с двумя радостными новостями: им давали квартиру в самой Хайфе и пятимесячного ребенка на усыновление...

Вечером в четверг, 22 апреля 1948 года, Тора Зонштейн, которая развелась с мужем и осталась жить с маленьким сыном на третьем этаже, над квартирой Саида, услышала, что внизу плачет ребенок.

Она сначала подумала, что ослышалась, но плач не затихал. Тогда она спустилась на второй этаж и постучалась. Никто не отвечал, и она решила взломать дверь. Войдя в квартиру, она обнаружила в кроватке обессилевшего ребенка и взяла его к себе.

Тора вначале думала, что скоро все встанет на свое место. Но дня через два поняла, что ошибается. Было ясно, что нет смысла держать у себя чужого ребенка, и она отнесла его в Еврейское агентство, чтобы там им занялись...

К счастью для Иврата, он пришел в агентство вскоре после этого. Когда сотрудники агентства посмотрели его документы и удостоверились, что у него нет детей, они предложили ему в качестве особой привилегии квартиру в Хайфе, но при условии, что он усыновит ребенка.

Это предложение оказалось приятным сюрпризом для Иврата. Когда Иврат узнал, что его жена не может родить, он все время мечтал усыновить ребенка. Поэтому он счел происшедшее невероятным счастьем и решил, что бог посылает ему все блага разом. Он не сомневался, что появление ребенка изменит настроение Мириам, которая все чаще впадала в оцепенение после того, как увидела труп арабского младенца в машине...

В четверг, 29 апреля 1948 года, Иврат и Мириам с пятимесячным ребенком на руках, сопровождаемые сотрудником Еврейского агентства — стариком с куриным лицом,— переступили порог квартиры Саида в Халисе...

В эту минуту в Акке Саид и Сафия снова плакали. Саид вернулся после очередной неудачной попытки попасть в Хайфу. Через некоторое время, измученный до предела, он заснул в помещении шестого класса средней школы, выходившей окнами на стену известной в Акке тюрьмы, расположенной у самого берега моря...

Саид не притронулся к кофе, а Сафия отпила глоток и откусила бисквит, который подала по-прежнему улыбающаяся Мириам.

Саид продолжал озираться. Он еще больше растерялся от рассказа Мириам. Время тянулось медленно. Они с Сафией, будто прикованные, сидели в креслах как бы в ожидании чего-то, что они не могли вообразить.

Мириам то входила в комнату, то выходила. Когда она исчезала за дверью, они слышали медленные, шаркающие по паркету шаги. Сафия закрывала глаза и представляла, как Мириам идет на кухню через коридор мимо спальни, расположенной справа. Когда хлопнула дверь, она посмотрела на мужа.

— Будто это ее дом!— сказала Сафия с горечью.— Ведет себя, как дома.

Они молча переглянулись. Саид сжал ладонь жены и положил ее на свое колено. Он еще не пришел ни к какому решению. Появилась Мириам, и он спросил:

— Когда же он явится?

— Должен вот-вот прийти, но может и задержаться. Никогда не приходит домой вовремя. Совсем как его отец. Он...

Она замолчала, прикусив губу, и взглянула на Саида, который вздрогнул, будто его током ударило. «Совсем как отец!» Он вдруг подумал: «А что такое отцовство?» В этот момент Саид напоминал человека, распахнувшего настежь окно, в которое врывается ураганный ветер. Он стиснул ладонями голову, пытаясь найти ответ на вопрос, который преследовал его все эти двадцать лет, как он ни гнал его от себя. Сафия гладила его по плечу. До нее вдруг каким-то странным образом дошел смысл невероятного столкновения, к которому внезапно приводят слова.

— Ты только послушай, что она говорит!— прошептала Сафия.— Совсем как отец! Как будто у Халдуна может быть другой отец, кроме тебя!

Мириам подошла поближе, остановилась, собираясь сказать что-то трудное, потом медленно заговорила. Казалось, что слова, произносимые ею, доносятся из коридора:

— Послушайте, Саид, мне нужно сказать вам очень важную вещь. Я прошу вас дождаться Дова или Халдуна, если хотите, и поговорить с ним. Эта история должна наконец закончиться естественным образом. Вы думаете, это не было проблемой для меня, как и для вас? Все двадцать лет я в растерянности. Так давайте же закончим все сейчас. Я знаю только одно — он мой сын. Но пускай он все решает сам. Пусть выбирает. Он уже взрослый молодой человек, и мы с вами обязаны оставить ему и только ему право выбора. Согласны?

Саид встал, прошелся по комнате, остановился возле стола и снова принялся считать павлиньи перья в кувшине. Он ничего не отвечал, словно не слышал вопроса. Мириам ждала. Наконец он повернулся к Сафии и перевел ей слова Мириам. Сафия тоже встала и подошла к Саиду.

— Это справедливо,— голос ее дрожал.— Я уверена, что Халдун выберет своих настоящих родителей. Не может же он остаться глухим к зову крови.

Саид неожиданно рассмеялся, но смех его прозвучал невесело:

— Какой Халдун, Сафия? Какой Халдун? О каком зове крови ты говоришь? Ему же двадцать лет вдалбливали в голову, каким он должен быть, как ему есть, пить, спать! А ты говоришь, справедливо! Халдун, Дов или сам черт, не знает он нас! Хочешь знать мое мнение? Давай уедем, будем жить, как жили. Кончено. Украли у нас сына.

Сафия опустилась в кресло, впервые услышав слова горькой истины. Она понимала, что муж абсолютно прав, и все же пыталась связать его правоту с теми надеждами, которые в течение двадцати лет служили ей оправданием.

— Может быть,— продолжал Саид,— он и не знает, что его настоящие родители — арабы. Или узнал об этом недавно, месяц или год назад. На что же ты надеешься? Скорее всего они его обманули, и он на их стороне. Грех был совершен двадцать лет назад, когда мы бросили Халдуна. А сейчас — расплата за грехи.

— Мы не бросали его. Ты же помнишь!

— Нет, бросили. Мы не смели бросать ни Халдуна, ни дом, ни Хайфу! Неужели ты, как и я, не почуяла беду, когда мы ехали сюда? Я понял, что узнаю Хайфу, а она меня — нет. И здесь то же самое, в нашем доме. Понимаешь? Наш дом не признает нас! Неужели тебе это не приходит в голову? Вот увидишь, с Халдуном будет то же самое!

Сафию начало трясти. В это время Мириам вышла из комнаты, в которой нарастало напряжение. Саиду показалось, что рухнули все надежды, которыми он жил двадцать лет, и он увидел все с предельной ясностью. Он подождал, пока Сафия успокоится, затем спросил:

— Знаешь, что было с Фарисом Лубдой?

— Сыном Лубды, нашего соседа?

— Ну да, нашего соседа в Рамаллахе, который уехал в Кувейт. Знаешь, что случилось, когда он неделю назад приехал посмотреть на свой дом в Яффе?

— Как, он ездил в Яффу?

— Да, на прошлой неделе он взял такси в Иерусалиме и поехал в Яффу. И прямо в Аджами. Двадцать лет назад он жил там в доме, что за православной школой. Помнишь ее? Там еще школа Фарира рядом. Когда свернешь в Джабалию, метров через двести эта школа. Большая спортплощадка, а за ней переулок. Так вот, в этом переулке дом, в котором жил Фарис с семьей. Он буквально закипел от обиды. Остановил машину возле дома, взбежал по лестнице и позвонил в дверь своей квартиры...

Перевел с арабского Е. СИДОРОВ.

Окончание следует.

ЧТО РАССКАЖЕТ КАМЕНЬ

На выставке Фото автора

За время летнего отпуска наберется рюкзак, а то и больше камней, самых обыкновенных на вид. Дома начинается основная работа. Камень нужно распилить. Где пройдет ось сечения? Поверхность камня матовая и будто взрытая. Как определить направление слоев, из которых он сформирован? Камень пока молчит... Он не терпит насилия, требует понимания, контакта. Не один день ведет диалог с камнем мастер, прежде чем алмазная пила рассечет его тело. И тогда либо волшебный узор перед ним, либо — «в отвал». Медленно, годами растет коллекция любителя.

Стеклодувы, инженеры, геологи, художники, полиграфисты объединились в клуб любителей камня при Московском обществе испытателей природы. Собираются на заседания два раза в месяц, рассказывают о впечатлениях, интересных находках. Обмениваются экземплярами камней. И каждый год весной устраивают выставку. Эта, только что закончившаяся в Государственном биологическом музее имени К. А. Тимирязева на Малой Грузинской, была шестнадцатой. За три недели ее увидели больше 30 тысяч человек.

Экспозиция располагалась в трех небольших залах. Агаты, яшмы, нефрит, черный кварц, лазурит, бирюза, хризопраз, аметисты от сиренево-прозрачных до черных, таинственно мерцающих кристаллов. Тут же обыкновенная галька, но ее отполированный срез почти не уступает благородным родственникам. Вот овальной формы известняк размером с куриное яйцо, он желтоватого цвета, на нем черный узор марганцевых отложений. Смотришь на этот голыш и видишь золотистый закат в реликтовом лесу из травянистых гигантских папоротников и хвощей.

Настоящие картины открываются в родоните. Опять же на вид самый обычный камень — розового цвета, с черными и светлыми прожилками. На отшлифованном же срезе родонита проявляются фантастичные и в то же время очень земные пейзажи, прозрачные, словно выполненные акварелью. Они вставлены в рамки из камня или из металла. Таких миниатюрных «живописных полотен» на выставке целая коллекция.

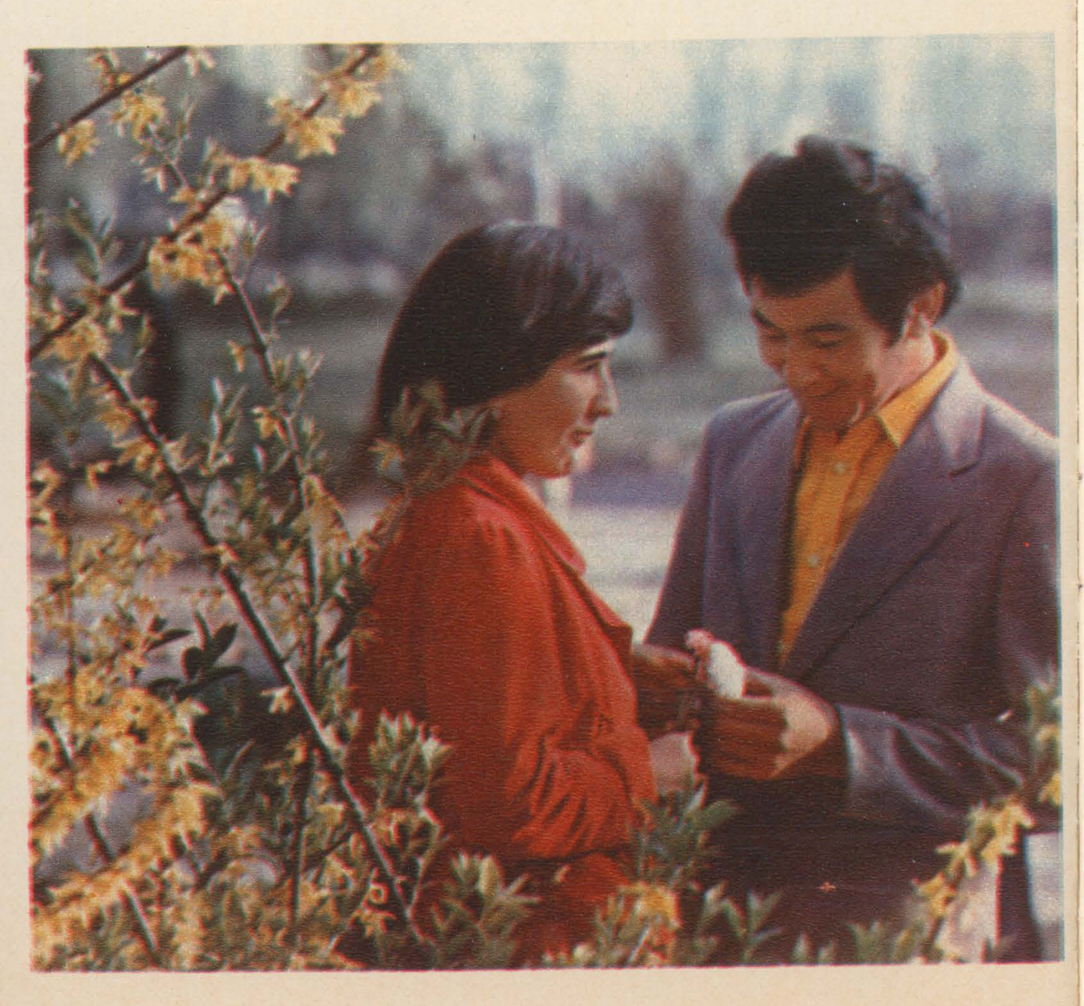
Интересен зал, где представлены работы школьников, участников геологического кружка при палеонтологической секции Московского общества испытателей природы. Главная их добыча — окаменелые представители флоры и фауны, существовавшей на территории Московской области миллионы лет назад. Находки имеют научную ценность. Ученые используют их в своих работах. Четырнадцатилетняя школьница Таня Пирогова, например, в прошлом году нашла новый вид вымершей морской лилии. Сейчас эта лилия носит ее имя. На латыни оно звучит так: акрокринус Пирогови.

Ю. СУРХАИХАНОВ

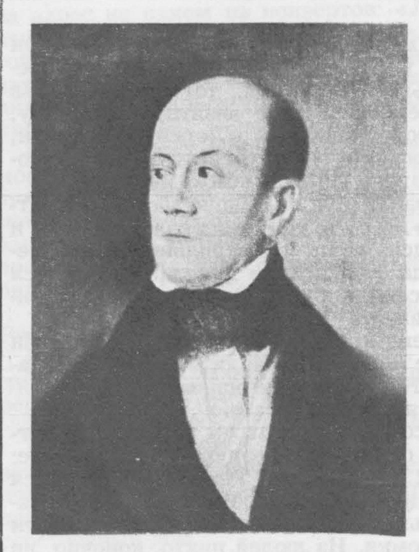
ТАШКЕНТСКАЯ ВЕСНА. **В новом микрорайоне столицы Узбекистана. * Тренировка байдарочников на Ташкентском море.**

Фото Г. КОПОСОВА, В. СВАРИЧЕВСКОГО

«ТВОЙ ЖАР ВОСПЛАМЕНЯЛ К ВЫСОКОМУ ЛЮБОВЬ...»

Для того, чтобы занять достойное место в истории отечественной мысли, не обязательно написать тома сочинений. Сколько авторов, имевших известность при жизни и оставивших после себя фолианты, забыты, стерты в памяти потомков. Труд Петра Яковлевича Чаадаева уместится в одну тоненькую брошюру, но эта брошюра поистине «томов премногих тяжелей». Одно лишь его «Философическое письмо», появившееся в журнале «Телескоп» в 1836 году, не только произвело громадное впечатление на современников, но, по словам Герцена, «с него начинается точка перелома общественного мнения».

Друг Пушкина, к которому обращены четыре стихотворения гениального поэта, в том числе известнейшие строки:
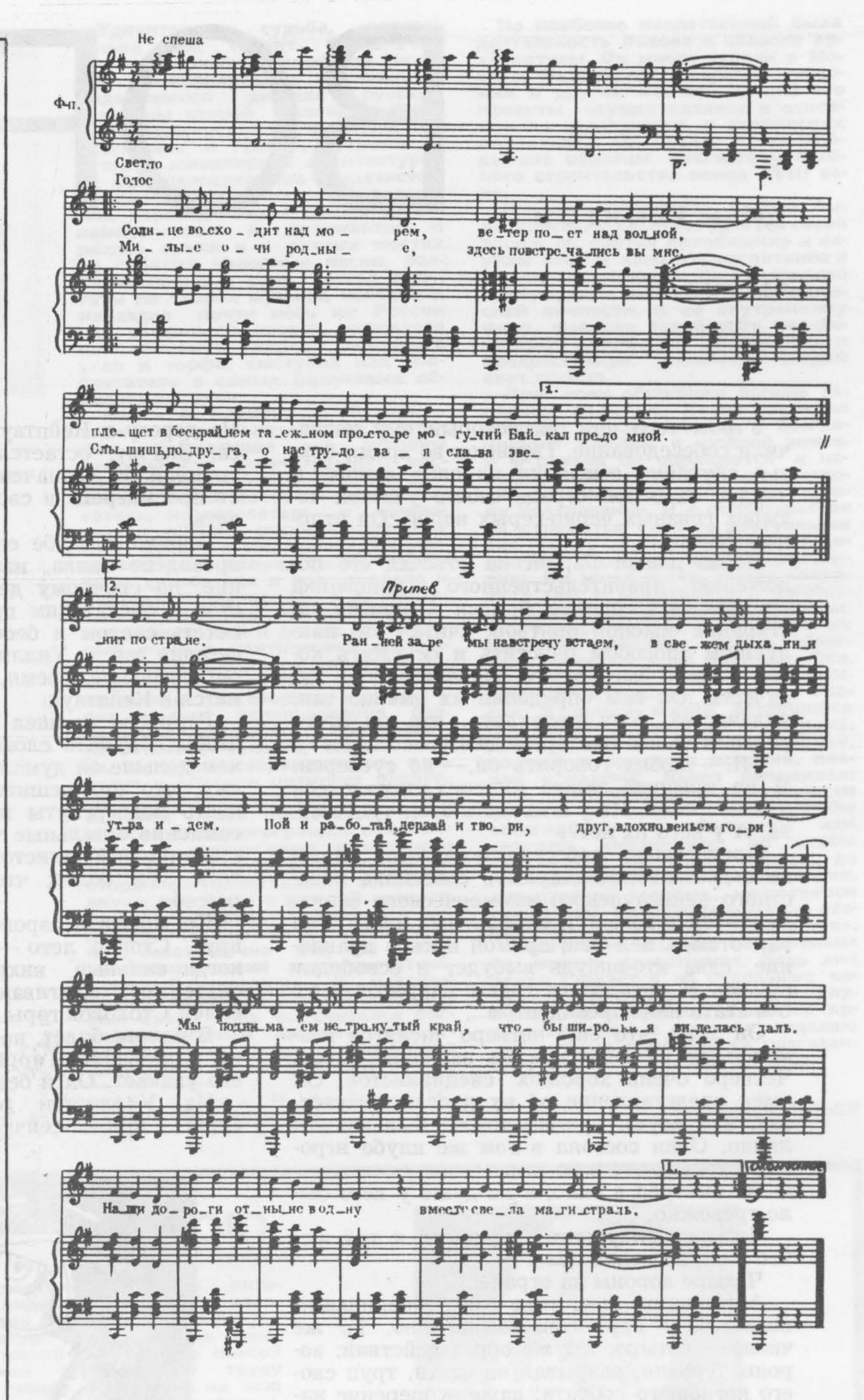
...Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

П. Я. Чаадаев уже по характеристике его в этих стихах должен был бы привлечь к себе пристальное внимание и живейший интерес потомков. Он был мудрец и мечтатель, и, может быть, в силу этих свойств внешняя жизнь его не богата событиями. Блестящие образованный молодой офицер, адъютант генерала Васильчикова внезапно в 1821 году выходит в отставку, спустя два года уезжает за границу с намерением не возвращаться в Россию, однако возвращается в 1826 году, буквально вслед кровавой расправе над декабристами. Опасный, неосторожный шаг! Декабрист И. Д. Якушкин, его ближайший друг, будучи убежден, что Чаадаев никогда не вернется, а значит, вне опасности, на следствии признался в том, что в 1821 году сам принял Чаадаева в члены тайного общества. По возвращении на родину Чаадаева обыскали, подвергли допросу и отпустили под «бдительнейший» и пожизненный полицейский надзор. Чаадаев живет несколько лет в добровольном затворничестве, совершенно не бывая в свете, общаясь с небольшим кругом лиц и обдумывая дело своей жизни — «Философические письма», написанные им в 1829—1831 годах. Традиционное название чаадаевского труда «Философические письма» не совсем верно. Письма написаны по-французски и в оригинале называются «Письма о философии истории». В этом и основная мысль писем: «Дело в том, что мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения. Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характеризовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добросовестно оценен; отсюда все эти ретроспективные утопии, все эти мечты о невозможном будущем, которые волнуют теперь наши патриотические умы». Историю России, ее прошлое и настоящее Чаадаев рассматривает «не с холодным научным интересом, но с глубоким чувством нравственной правды». Одно письмо всего и удалось опубликовать Чаадаеву. Идеи, в нем выраженные, были признаны «высочайшей властью» плодом поврежденного рассудка. Чаадаев был объявлен сумасшедшим и последние 20 лет жизни — он умер 125 лет назад, в апреле 1856 года,— безвыездно провел в своем флигельке на Ново-Басманной улице в Москве под неусыпным надзором полиции, в бедности и уединении.

В «Апологии сумасшедшего», написанной в 1837 году, Чаадаев пытается объясниться с читателями, ведь и среди его друзей не все и не всё приняли в его концепции. Во многом соглашаясь с Чаадаевым, Пушкин тем не менее не разделял его пессимистического взгляда на русскую историю. В «Апологии» Чаадаев признает, что в «Письме», «задевшем наше национальное тщеславие», были допущены им и излишняя резкость, и «нетерпеливость в выражениях», и некоторые преувеличения. Однако чувство его «нисколько не враждебно отечеству: это — глубокое чувство наших немощей, выраженное с болью, с горестью — и только». «Я,— продолжает он,— не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее». Более же всего Чаадаев огорчен тем, что почти никто не понял его веры в будущее России: «Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». Еще до публикации «Письма», в послании к А. И. Тургеневу, Чаадаев утверждал: «Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу».

После появления чаадаевского письма «Телескоп» был закрыт, издатель его сослан, цензор уволен, сам Чаадаев объявлен сумасшедшим. Его гонителям казалось, что с «безумными» идеями покончено. Но вопреки суду властей творческому наследию Чаадаева оказалась суждена долгая жизнь. Сам он и не сомневался в этом, поскольку идеи свои «в глубине моего сознания завещал грядущим поколениям».

Н. БЕЛОВА

Стихи Николая ДАМДИНОВА

Музыка Галины ВОЛГИНОЙ

НАША СУДЬБА — МАГИСТРАЛЬ

(Вальс строителей БАМа)

Солнце восходит над морем,
Ветер поет над волной,
Плещет в бескрайнем таежном
просторе
Могучий Байкал предо мной.

Милые очи родные,
Здесь повстречались вы мне.
Слышишь, подруга, о нас
трудовая
Слава звенит по стране.

Ранней заре мы навстречу встаем,
В свежем дыхании утра идем.
Пой и работай, дерзай и твори,
Друг, вдохновеньем гори!

Мы поднимаем нетронутый
край,
Чтобы широкая виделась даль.
Наши дороги отныне в одну
Вместе свела магистраль.

Ты играет волною,
Мы с ней давно уж на «ты».
Через бурливые реки с тобой
Ты и я воздвигаем мосты.

Тает рассвет. Из тумана
Новый встает Уоян.
В светлой дали за горами
синеют
Амур и седой океан.

ТАШКЕНТСКАЯ ВЕСНА

Готовятся к открытию парки города * Весеннее настроение.

ВОРОНЬЕ

Дуглас РЕЙЛТОН

РАССКАЗ

Утром того дня, на который ему назначили собеседование, Гаррисон во время бритья случайно выглянул из окна ванной и увидел на белой ограде своего участка четырех грязных черно-серых ворон. Он отложил бритву.

Образ жизни Гаррисона отвечал его положению правительственного чиновника средних лет, однако брился Гаррисон по старинке опасной бритвой, считая это наилучшим способом очистить и освежить кожу. У него было много подобного рода чудачеств...Он сам определял их именно так: чудачества. Ему нравилось, что от этого слова веет чем-то старомодным.

«Я,— любил говорить он,— не суеверен. Я не признаю также никаких комплексов или неврозов. Но у меня есть свои чудачества. А у кого их нет?»

Предстоящее собеседование было связано с должностью старшего советника известного кейптаунского коммерческого банка. Гаррисон жаждал получить это место, так как отсюда вел уже прямой путь в правление, едва кто-нибудь выбудет и освободит кресло. К пятидесяти годам Гаррисон мог бы стать вице-президентом...

Он знал, что еще четверо числятся возможными кандидатами на завидный пост. Четверо очень хороших специалистов. Он имел представление об их деловых качествах, а с двумя претендентами был знаком лично. Один состоял в том же клубе игроков в гольф, что и он сам.

Он смотрел в окно, и на душе у него было тревожно.

Четыре конкурента, рвущиеся к той же, что и он, заветной цели.

Четыре вороны на ограде...

Ассоциация этих птиц с его соперниками возникла у Гаррисона мгновенно. То же число — четыре; тот же образ действий: вороны терзали, разрывая на части, труп своего погибшего собрата; даже и оперение напоминало цветом темные костюмы чиновников... Все вместе приобрело для Гаррисона символическое значение.

Не просто импульсивно схватил он трубку внутреннего телефона. Один из слуг тут же отозвался:

— Слушаю, сэр.

— Пусть кто-нибудь выйдет и прикончит этих птиц,— резко приказал Гаррисон.— От них нет покоя...

— Слушаю, сэр,— тем же тоном повторил голос. Обслуживающий персонал давно привык к неожиданным капризам хозяина дома.

Гаррисон не сводил мрачного взгляда с окна. Тощий цветной слуга, крадучись, выбрался из кустов глициний. Вороны неуклюже, почти лениво взлетели — и упали, сраженные выстрелами из двустволки.

Гаррисон через окно показал слуге два пальца— знак победы, затем вернулся назад, к зеркалу, чтобы закончить бритье.

Инцидент взбудоражил его, и бритва дважды царапнула полный розовый подбородок. Гаррисон кровоостанавливающим лосьоном смочил места порезов, морщась не столько от боли, сколько от запоздалых укоров совести из-за убитых птиц.

— Подлые твари...— проворчал он, но теперь больше ради самооправдания, чем сердито. Все же на душе у него стало спокойнее.

Покончив с утренним туалетом и позавтракав, Гаррисон спустился вниз, к машине. На дорогу к Кейптауну у него уйдет полчаса. Значит, остается два часа свободного времени до назначенной встречи. Он успеет просмотреть в своем клубе утренние газеты.

Однако в клубе его ожидало сообщение: президент банка, назначивший ему свидание, по срочному делу вылетел в Уиллистон. Соискателям предлагалось на выбор: лететь следом и беседовать с президентом сегодня же в Уиллистоне либо ждать неопределенное время, пока президент вернется в Кейптаун.

Гаррисон прошел в клубную гостиную, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. И чем дольше он думал, тем сильнее казалось ему, что его решительность и инициативность подвергнуты испытанию. Почти несомненно остальные четверо кандидатов отправятся в Уиллистон. Придется и ему лететь. Тем более, что расходы банк берет на себя.

По дороге в аэропорт он поглядывал вокруг. Стояло лето — пора южных ветров, когда сильные вихревые потоки, словно скатертью, затягивают облаками северный склон Столовой горы.

В полете будет, наверно, сильная болтанка, размышлял Гаррисон. А это значило, что его укачает. Он и без болтанки укачивался.

На Уиллистон оказалось два рейса. Один — прямо сейчас, другой — в середине дня. На первый рейс оставался только один билет.

Гаррисон в нерешительности застыл у кассы.

Стоявший за ним человек с красным лицом, по виду фермер откуда-то из внутренних районов страны, взволнованно произнес:

— У меня срочное дело в Уиллистоне. Если вам все равно, вы чрезвычайно меня обяжете, согласившись лететь днем...

Гаррисон только и ждал любого предлога для отсрочки.

«Почему бы нет?»— рассуждал он. Со всеми президент ведь до прибытия следующего самолета побеседовать все равно не успеет.

— Ладно,— сказал он,— согласен.

Краснолицый человек принялся трясти его руку, до неловкости бурно выражая свою благодарность.

— Вы и не представляете, что это значит для меня!— повторял он. Когда же он наконец удалился, до боли сжав напоследок пальцы Гаррисона, тот обнаружил в своей онемевшей руке визитную карточку, на которой значилось: «Лоренц ван Рейн, минералог». На обороте карточки было что-то нацарапано карандашом.

«Олифант, три часа дня. Отель «Центральный»,— с трудом разобрал Гаррисон и нахмурился: отель «Центральный» был местом, куда соискателям предлагали явиться для собеседования. А Олифант был президентом банка.

Впрочем, краснолицый Лоренц ван Рейн никак не мог быть кандидатом на тот самый пост. Скорее, он клиент банка, нуждающийся в срочном займе.

Гаррисон доедал в своем клубе ленч, когда радио объявило о воздушной катастрофе: утренний самолет на Уиллистон врезался в гору, пилот успел передать лишь, что машина объята пламенем. Спасатели застали одни обломки. Из людей никто, конечно, не уцелел...

Гаррисон закурил сигару, чтобы занять чем-то руки и мысли.

Потом он позвонил в аэропорт и навел справки о пассажирах погибшего самолета. В числе жертв, как он и ожидал, ему назвали всех пятерых: четверку его соперников и Лоренца ван Рейна.

Гаррисону вдруг захотелось узнать, была ли у ван Рейна семья. Он испытывал смутное чувство вины в гибели этого человека. Прояви он, Гаррисон, ту решительность, которой ждут от претендента на высокий пост, ван Рейн был бы сейчас жив.

— Глупости!— сказал он себе, но так как чувство вины не исчезло, он в конце концов поехал по указанному на визитной карточке ван Рейна адресу в предместье Кейптауна.

Дом был новый, из кедрового леса, со множеством роз в саду. Входная дверь стояла открытой.

Гаррисон нажал все же кнопку звонка. Когда мелодичная трель отзвучала, он услышал плач, тихий, как легкий ночной ветерок.

Сдерживая волнение, Гаррисон вошел в холл.

Маленькая темноволосая женщина сидела на расписном деревянном сундуке, комкая насквозь промокший носовой платок. Она подняла на Гаррисона глаза, но плакать не перестала.

— Простите...— сказал Гаррисон.— Только этим утром я видел вашего мужа... В самом аэропорту.— Он решил не говорить об отданном ван Рейну билете.

Женщина неопределенно махнула рукой. Он не понял, что она имеет в виду: чтобы он ушел или чтобы остался.

— Могу я что-нибудь сделать?— спросил он.— Хоть что-нибудь?

Она повторила прежний жест. Только тут Гаррисон уловил запах гари и понял, какой знак подавала женщина. Он толкнул боковую дверь и прошел в маленькую кухню. Электрическая плита была включена, и над ней стоял густой дым. В кастрюльке шипела на дне сморщившаяся черная масса.

Гаррисон выключил плиту, открыл окно и вернулся в холл.

— Спасибо,— сказала женщина, продолжая плакать.

Гаррисон на какое-то время тоже ушел в себя. Он не чувствовал больше смущения, не старался добавить что-то в объяснение

своего визита. Солнце скользило по деревянным панелям и мозаичному полу. Часы пробили четверть, затем половину...

Наконец женщина встала.

— Мне уже... лучше,— сказала она неуверенно.— С вашей стороны было очень любезно навестить меня... Верно, вы имеете какое-то отношение к рудникам...— Она помолчала.— Но скажите, не нелепость ли? Когда после стольких лет все трудности наконец позади, когда остался один шаг до богатства... должно было случиться э т о...

Гаррисон прошел следом за нею в уютную гостиную. На полированном столике валялись письма. Гаррисону бросился в глаза адрес на одном из конвертов: «Лоренцу ван Рейну, Зак-Риверские рудники». Он автоматически поворошил в памяти знакомую картотеку, но этого названия не нашел. Очевидно, оно зарегистрировано только на прошлой неделе.

— Пожалуй, я пойду,— сказал он.— Вот моя карточка. Рад буду оказать вам любую помощь, если позволите. Смотрите на меня, как на человека, хорошо знавшего вашего мужа. Обращайтесь ко мне в любое время. В этом городе одинокой женщине будет нелегко.

— Спасибо,— ответила миссис ван Рейн.— Большое спасибо.

Но по ее глазам Гаррисон видел, что она забудет его, прежде чем его машина завернет за угол.

Время близилось к четырем часам.

Гаррисон вернулся в клуб. Это тяжеловесное старинное здание всегда представлялось ему олицетворением прочности и надежности даже в большей степени, чем его собственный дом.

Он заказал телефонный разговор с президентом банка Олифантом. Связи с Уиллистоном пришлось ждать минут двадцать, и Гаррисон использовал это время на ознакомление со списком акционерных компаний, опубликованным в последнем выпуске дополнений к справочнику южноафриканских коммерческих обществ.

Информация о Зак-Риверских рудниках была довольно скудной.

Покойный Лоренц ван Рейн значился председателем и директором-распорядителем, его жена Гарриет — содиректором. Компания располагала минимальным капиталом, допускаемым законом для акционерных обществ. Зарегистрирована контора была по тому самому адресу, где Гаррисон только что побывал.

Что до рудника, то он возник благодаря расширению старой, лет двадцать назад брошенной выработки.

Помехи в телефонной трубке напоминали дыхание астматика.

— Мистер Олифант? О, здравствуйте... Да, сэр, это Гаррисон. Что? О да, действительно... ужас... кошмар... Я тоже должен был лететь этим рейсом, но не оказалось свободного места...

Гаррисон солгал походя, почти не задумываясь.

— Да... относительно беседы, мистер Олифант... Вам, р а з у м е е т с я, нужно время, чтобы подыскать новых кандидатов? Н е т? Н е н у ж н о? О, понимаю... Время не ждет... Да, все понятно, сэр. Вполне подходит. Благодарю вас, сэр. Я чрезвычайно польщен. Вы очень добры, сэр... Сегодня пообедать с вами... Нет, нет, не занят. Почту за честь, мистер Олифант. В девять вечера. В вашем клубе. Значит, до вечера, мистер Олифант...

Прежде чем ехать домой переодеться, Гаррисон связался еще со своим биржевым маклером и отдал распоряжение:

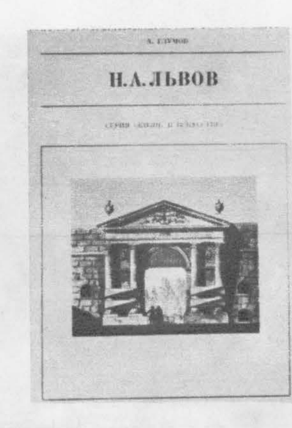
— Купите для меня акции Зак-Риверских рудников, столько, сколько удастся. Сейчас это не потребует больших денег, но увидите, что из этого выйдет... И очень скоро...

...Когда Гаррисон подъехал к своему дому, одна-единственная ворона клевала утренние трупы...

Гаррисон даже головы не повернул...

Перевела с английского
Татьяна ГИНЗБУРГ.

ПРОСВЕТИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Удивительна судьба, ослепительно ярок талант, бесконечно широк творческий диапазон Николая Александровича Львова — выдающегося деятеля русской культуры второй половины XVIII века. Архитектор и строитель, рисовальщик и гравер, теоретик и историк живописи и архитектуры, он был одновременно геодезистом и топографом, поэтом и педагогом, переводчиком и драматургом, композитором и музыкантом. В разное время и в разных местах он собирал народные песни, разбивал парки и сады, писал трактаты по теории музыки, исходил и изъездил почти весь юг России как следопыт-археолог, занимался изысканием и добычей каменного угля и торфа, выступал как изобретатель в самых различных областях техники...

Книга А. Глумова о Львове — первая в нашей литературе биография, обобщающая все стороны деятельности замечательного русского просветителя, ученого-энциклопедиста. Ее автор — актер, писатель, исследователь и тонкий знаток истории русской культуры XVIII века,— к сожалению, не увидевший ее напечатанной (книга была доработана и подготовлена к изданию К. Макаровой и А. Харламовой), привлек богатейший, часто уникальный и доселе неизвестный ученым фактический материал, итог кропотливой работы в архивах и библиотеках. А. Глумов заставляет заговорить мертвые и без умелого использования безмолвные документы, сравнивает, сопоставляет письма, свидетельства, мемуары современников, приводит и обильно цитирует неопубликованные стихи самого Львова. В книге Львов представлен ярко, во всей его многогранной самобытности, с творческими и личными радостями и бедами. Кроме разносторонней талантливости и тонкого вкуса, ему было в высшей степени присуще чувство нового. Как художник он опережал современников, безошибочно ощущая основные направления развития отечественной культуры. И недаром друзья называли его «гением вкуса». Среди них он считался бескомпромиссным авторитетом, утверждавшим даже произведения Державина своей печатью.

Но наиболее плодотворной была деятельность Львова в области архитектуры. Он много строил в Москве, Петербурге, Тверской губернии и других местах. Однако его проекты осуществлялись в основном по провинциям, в дворянских поместьях. Он создал непревзойденные образцы русского усадебного строительства конца XVIII века.

Основой творчества Львова было просветительство. Долгом своей жизни он считал приобщение к наукам всех и каждого, воспитание и образование людей. Им руководило пробуждение интереса к человеческой личности, к ее внутреннему миру, желание освободить человеческий разум от мракобесия и предрассудков, принести людям свет знания.

При всем обширном багаже западной культуры Львов сохранил исконно русское сердце и безграничную любовь к родной земле. И в поэзии он обращается к народным мотивам, призывая находить в них драгоценные источники вдохновения. И в строительстве он стремится сделать доступными для народа свои дешевые и экономичные проекты постройки жилищ. Он ищет уголь, чтобы сохранить лес — национальное богатство и украшение русской природы. Он изобретает и применяет на практике машины, чтобы облегчить тяжелый труд рабочих. Все, что он узнал и увидел за границей, он использует дома, в России. К концу жизни оставшийся без службы, денег, не имея дома, больной, но, как всегда, активный, полный творческих исканий, планов и надежд, Львов напоминал: цель человеческой деятельности состоит вовсе не в том, чтобы «обогащать ученостью ум или книгами Библиотеку; но чтобы просветить человека». Всегда, до последних дней жизни он верил, что русский «совсем... не сотворен существом подражательным — везде исполин и везде подлинник».

Биография Львова поучительна во многих отношениях. Ведь лик эпохи слагается из отдельных человеческих судеб. И книга А. Глумова, без сомнения, является ярким штрихом к картине отдаленного от нас и не совсем разгаданного прошлого нашей страны.

А. Глумов. Н. А. Львов. М., «Искусство», 1980.

А. САВЕЛЬЕВ

НАВСЕГДА В СТРОЮ

Более четырех десятилетий отдал литературе и театру видный советский азербайджанский писатель Имран Касумов. Дебютировав как драматург в 1938 году на сцене Бакинского театра имени Азизбекова пьесой «Мечта», посвященной героическому труду разведчиков и добытчиков нефти, он на всю жизнь остался верным этой теме. О нефтяниках Каспия были написаны им пьесы «Заря над Каспием», в соавторстве с Г. Сеидбейли «Море любит отважных», «Человек бросает якорь», сценарии фильмов «Повесть о нефтяниках Каспия», «Покорители моря» и другие произведения. В центре пьесы Касумова «Зачем ты живешь?» находится образ Героя Советского Союза Мехти Гусейнзаде.

Имран Касумов всем сердцем был предан театру, ставшему его призванием, главным делом его жизни. Он глубоко знал сцену, «секреты» и «тайны» ее магического воздействия на зрителя. Пьесы Касумова шли и идут не только в Азербайджане, но и в ряде других театров страны.

Лучшие пьесы Касумова, такие, как «Заря над Каспием», «Человек бросает якорь», «Мы так недолго живем», в разное время обрели прописку и на московской сцене. Талантливый и опытный драматург глубоко понимал, что театр жив актером, и поэтому в своих пьесах стремился открывать простор для актерских поисков и творчества. Более полутора десятилетий назад была поставлена на сцене Малого театра пьеса «Человек бросает якорь», но и поныне помнят зрители образ старой азербайджанской матери, созданный замечательной актрисой Д. Зеркаловой, исполненный глубокой внутренней силы и огня.

Вот уже несколько сезонов не сходит со сцены Московского театра имени Н. В. Гоголя пьеса «Мы так недолго живем», населенная яркими своеобразными характерами, начиная от стопятидесятилетнего деревенского кузнеца Мамедали и кончая юной, полной самоотвержения Эсмирой. Пьеса эта пронизана добром, мыслью о том, что для подвига всегда на земле есть место. Основу ее составляет конфликт между теми, кто хотел бы поменьше давать людям и побольше получать от них, и теми, кто, как главный герой произведения капитан-спасатель Ариф, видят смысл своей жизни в служении людям.

Имран Касумов писал: «Неизмерим творческий накал советского народа, его трудовой порыв. И писателю, в каком жанре он ни работал бы, необходимо быть на переднем крае борьбы за прекрасное будущее, внимательно вглядываться в черты наших современников — творцов и первопроходцев.

Магическая власть художественного слова обретает мощь в тесной связи с народной жизнью. Умение соизмерять собственное биение сердца с пульсом времени — это, пожалуй, для современного художника задача номер один».

К этому Касумов и сам стремился всю свою творческую жизнь. Возглавлявший не один год писательскую организацию Азербайджана, он отдавал много сил и жара сердца взаимному обогащению национальных литератур и театров нашей страны, был активным участником борьбы за мир на планете.

Имрана Касумова нет больше с нами. Но пьесы его остаются в рабочем строю. Дело чести театров страны, на каком бы языке они ни играли свои спектакли, щедро использовать все богатства, накопленные нашей многонациональной драматургией, ради утверждения образа советского народа, главного творца и хозяина жизни — рабочего человека. А творческое наследие Имрана Касумова открывает перед нами в этом плане по-настоящему богатые возможности.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Сборная команда СССР — чемпион мира и Европы.

С победой, хоккеисты!

Итак, в семнадцатый раз советская сборная завоевала золотые медали чемпионов мира. В победную летопись, начатую здесь, в Швеции, двадцать семь лет назад, вписана еще одна блестящая строка. Давно уже ушли со льда хоккеисты первого призыва, несколько спортивных поколений успели сменить друг друга в составах сборной, а команда наша по-прежнему является сильнейшей в мире, по-прежнему остается законодательницей всего самого современного, самого передового.

Да, отправляясь в Швецию на очередной чемпионат мира и Европы, мы верили в возможности нашей команды, в которой, как всегда, сочетались опыт ветеранов с молодым задором представителей нового поколения, и все же понимали, что большая игра остается большой игрой, что в ней возможны всякие неожиданности. И, как бы подтверждая эту истину, первая неожиданность произошла еще дома: перед отлетом заболел один из самых блестящих ветеранов сборной, неизменный член первой тройки Валерий Харламов. Сможет ли заменить его молодой Владимир Крутов? Как освоятся на арене мирового чемпионата другие молодые хоккеисты — Николай Дроздецкий, Сергей Шепелев, Алексей Касатонов, Андрей Хомутов? А разве не был для нас неприятным сюрпризом первый период во встрече с самой слабой командой — голландской? За двадцать минут игры советским хоккеистам удалось провести всего одну шайбу.

Мы понимали, что причина тут в волнении спортсменов, и притом не только молодых, таких, как Андрей Хомутов, который признался нам, что играл, как в тумане, но и многоопытных, обкатанных во многих хоккейных схватках. Вот пойди и учти, что стартовому волнению могут поддаться не только новобранцы сборной.

Словом, неожиданности в таком состязании, как чемпионат мира и Европы, всегда возможны. Но дело в том, что не они решают окончательный исход борьбы. Если команда хорошо подготовлена, если ее звенья крепко спаяны, если игроки хорошо понимают друг друга и тренеров, успех ей обеспечен. А наша команда была подготовлена блестяще, готова ко всем неожиданностям, и все члены сборной — и ветераны и молодые — прекрасно дополняли друг друга.

Если на чемпионате мира снова, в какой уже раз, великолепно действовал такой известнейший хоккеист, как Александр Мальцев, то заставил о себе говорить и такой представитель молодого поколения, как Сергей Шепелев, забивший в ответственных играх со шведами и канадцами по две шайбы, а в решающей игре со шведами — еще одну.

Наблюдая прекрасную игру этого двадцатипятилетнего хоккеиста, нельзя было не прийти к выводу, что в сборную он пришел всерьез и надолго. Да и не он один.

Не мог нас не волновать и наш непробиваемый вратарь Владислав Третьяк. Как он сыграет после перенесенной серьезной травмы? Да и сам Владислав поначалу изрядно волновался, хоть это и не было видно со стороны, и только ко второй половине чемпионата окончательно уверовал в свои возможности.

Семи матчей оказалось достаточно для наших хоккеистов, чтобы окончательно закрепить за собой высшую ступеньку пьедестала почета. Последняя игра с чехословацкой сборной уже ничего не могла решить в распределении не только первого, но и второго места. Хозяева чемпионата — шведы, несмотря на невиданный разгром, который они потерпели во второй встрече с советской сборной, пропустив за два периода 13 шайб,— сумели собраться и прекрасно финишировали, завоевав серебряные медали. Чехословацкая сборная завоевала бронзовые медали.

Матч СССР — Швеция произвел поистине оглушительное впечатление на всех. Еще долго он будет изучаться по видеозаписи, комментироваться в статьях и книгах.

Да, чемпионат мира и Европы, проведенный в Стокгольме и Гетеборге, поставил много важных вопросов и перед тренерами и перед всеми любителями этой прекрасной игры. И не только вопросов технического порядка, но и психологического. Например, никто пока не может дать ответ на вопрос, откуда взялись силы и упорство у канадцев для того, чтобы закончить почетной ничьей свою встречу с хоккеистами СССР. Все их предыдущие и последующие выступления не дают на него ответа.

Встречи на шведском льду заставили задуматься о многом и руководителей международного хоккея. Так, в Стокгольме было решено проводить следующий чемпионат мира по новой формуле. Остро стоит вопрос о борьбе с нарастающей грубостью и в связи с этим с количеством травм и штрафных минут. В результате контактов между руководителями международной лиги с руководителями сборных команд мира достигнуты важные соглашения. Президент международной лиги Г. Сабецки, исполнительный директор Национальной хоккейной лиги Канады А. Иголсон сообщили журналистам о намечающемся возобновлении контактов между советскими и канадскими мастерами хоккея, прерванных в нынешнем сезоне по вине канадской стороны. Принято решение, что сборная СССР вместе со сборными Швеции и Финляндии в сентябре примет участие в розыгрыше кубка Канады, который пройдет в Монреале и еще нескольких канадских городах, а канадцы пришлют свою команду на декабрьский турнир газеты «Известия» и примут у себя несколько наших клубов высшей лиги. Хоккейная жизнь продолжается.

В. ДВОРЦОВ,
хоккейный обозреватель ТАСС
(Специально для «Огонька»)

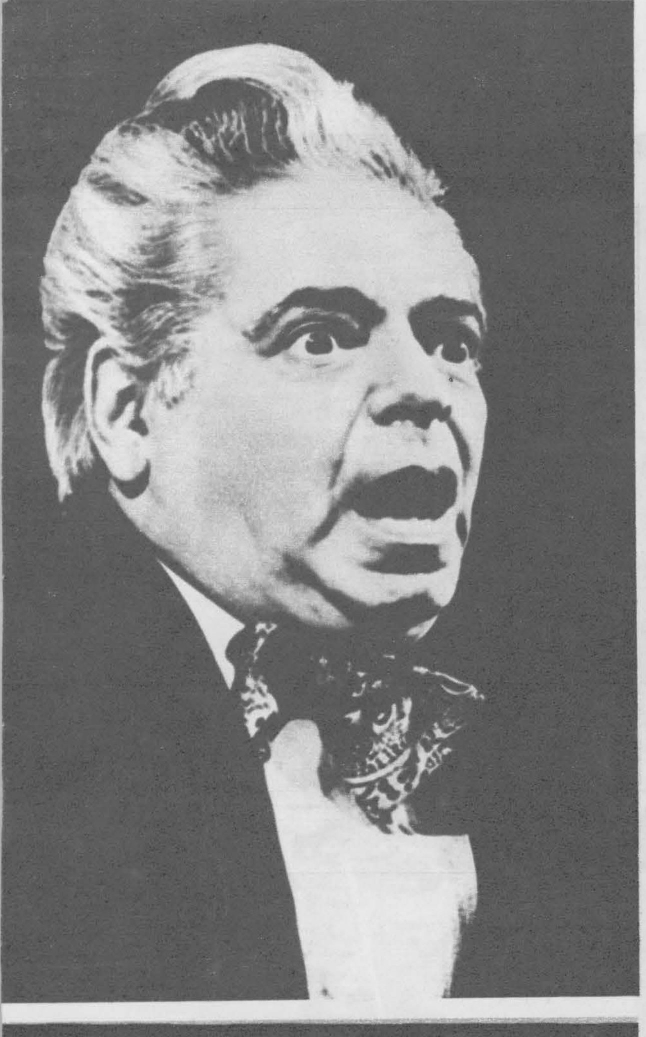

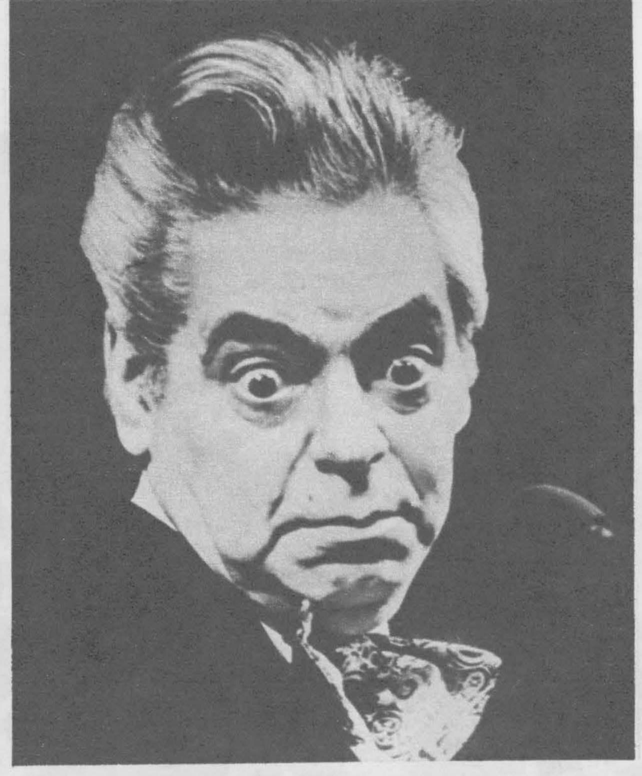
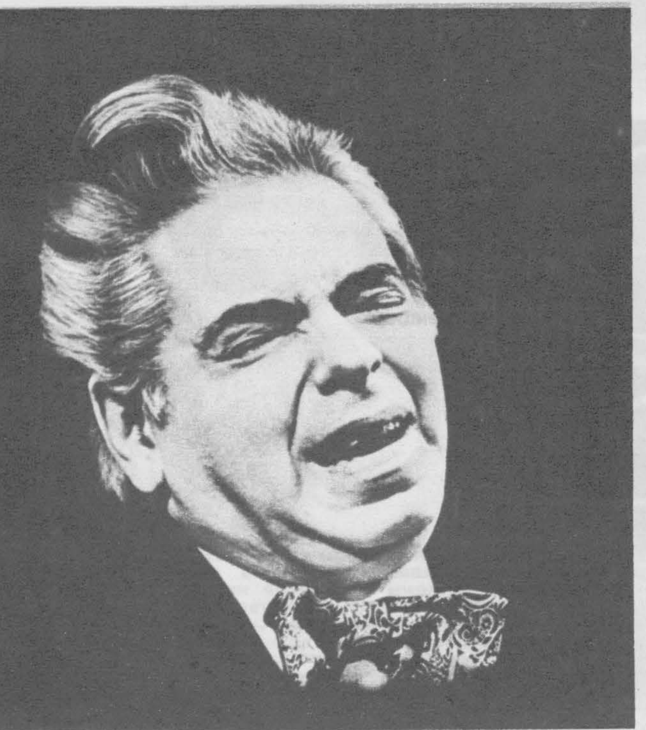
На пресс-конференции.

Фото С. ГУРАРИЯ и Б. СВЕТЛАНОВА

Встречаются советские и шведские хоккеисты

ТЕАТР АРКАДИЯ РАЙКИНА

— Весь мир театр, а люди в нем актеры... И в самом деле, у каждого человека в жизни своя роль. Правда, один занят на главных ролях, другой только подыгрывает, а третий вообще действует из-за кулис...

Так начинает Аркадий Райкин новую программу Ленинградского театра миниатюр «Его величество театр» (ее авторы — А. Райкин, М. Мишин, В. Синакевич, Г. Минников, М. Гиндин, В. Сквирский).

— И коль судьба сделала нас актерами, надо понимать, что не только исполнитель создает роль, но и роль создает исполнителя,— продолжает свой монолог Райкин.— Допустим, вы поняли: для того, чтобы достигнуть цели, вам нужно сыграть роль подхалима, иного пути нет... То есть он есть, но слишком сложный и не всегда надежный. И вот вы играете роль подхалима, а сами в это время думаете: как только я достигну цели, я тут же сброшу маску, и все сразу увидят, какое у меня честное и благородное лицо.

Но маску уже не сорвать, она уже приросла к вашей коже...

...Новый спектакль театра — это новый диалог умного и тонкого собеседника со зрителем. Разговор о том, что волнует каждого из нас. То, что сейчас вечером высмеивается на сцене, мы встречали в жизни сегодня днем, встретим завтра утром... К сожалению...

Аркадий Райкин и его партнеры по спектаклю приподнимают маски, под которыми мы видим истинные лица бюрократов, взяточников, краснобаев, жуликов, тунеядцев, пройдох, дураков и хапуг...

Парад масок... Нередко мы, словно в зеркале, видим и себя, как ни обидно это сознавать... Поэтому, возможно, завтра мы пересмотрим свою роль в жизни или кому-то поможем ее пересмотреть.

В этом волшебная сила искусства народного артиста СССР Аркадия Райкина.

В. СЕРГЕЕВ

Фото А. ИОЛИСА

Миллионный посетитель

Денчо ВЛАДИМИРОВ

Он укрылся одеялом с головой и заснул. В ночной тишине гостиничного номера было слышно, как шуршала вода в туалете.

В коридоре у дверей остановились двое мужчин и женщина. Постучали. Убедившись, что постоялец спит, вошли в комнату. У женщины в руках был большой букет цветов. Мужчины несли что-то огромное, завернутое в газету. Остановившись у изголовья кровати, они дружно гаркнули:

— Поздравляем, товарищ!

Он вскочил с постели, ничего не соображая.

— А? Что случилось? Где я? — залепетал он.

— В нашем отеле «Люкс». Добро пожаловать! — игриво сказала женщина и, осыпав постель цветами, начала читать по бумажке: —«Дорогой товарищ! Администрация отеля приветствует в вашем лице нашего миллионного посетителя и награждает вас памятным подарком».

Мужчины развернули газету и установили на столе огромного коня, отлитого из чугуна.

— «Пусть этот конь, — продолжала женщина по записке,— всегда и всюду напоминает вам о нашем гостеприимстве».

Затем представители администрации покинули комнату с чувством исполненного долга. Миллионный посетитель укутался в одеяло и мгновенно захрапел. Было около двух часов ночи, когда двери комнаты опять отворились. В номер проскользнула молодая красивая девушка. Оглядевшись, она взяла со стола стакан, наполнила его водой из графина и на носках приблизилась к кровати.

— Товарищ, проснитесь!— звонко выкрикнула она и опрыскала водой спящего. Он завопил и уставился на незваную гостью.

— Проснулись? Очень хорошо, давайте поговорим! — Она придвинула к кровати стул и достала из сумочки блокнот.

— Что вам нужно? — раздраженно спросил постоялец. — Я хочу спать.

— Только несколько слов для интервью. Отвечайте на вопросы коротко и ясно. Что вы почувствовали, когда узнали, что вы миллионный посетитель нашего отеля «Люкс»?

— Спать хочу, — захныкал он.

— Очень хорошо, — сказала девушка, записывая. — «Комфорт и уют нашего нового отеля располагает к отдыху». Второй вопрос: «Ваше хобби?»

— Хочу спать, — простонал он.

— Запишем: «После рабочего дня так приятно заснуть в теплой уютной постели вашего отеля «Люкс». Последний вопрос: «Ваши пожелания читателям нашей газеты?»

— Спа-а-а-ать... — простонал он.

— Прекрасно! воскликнула девушка. — Миллионный посетитель желает нашим читателям таких же прекрасных условий для отдыха, которое создала ему гостеприимная администрация нашего отеля «Люкс».

Не успела девушка закрыть за собой двери, как все жизненное пространство номера заполнилось здоровым храпом.

Часы в коридоре гулко отбили три раза, когда в комнату ворвались возбужденные люди. Одни принялись устанавливать и включать яркие лампы юпитера, другие приспосабливали кинокамеры, третьи наводили в номере привычный кинематографический камуфляж.

— Пожар! — завопил миллионный посетитель, вскакивая.

— Дорогие телезрители, — послышался вкрадчивый голос диктора, — наши кинокамеры установлены в номере отеля, где остановился миллионный посетитель.

Виновник торжества ничего не соображал. Кто-то похлопывал его по плечу, кто-то совал ему в руки букеты, кто-то торжественно обнимал его и горячо шептал на ухо:

— Да будешь ты наконец улыбаться, черт тебя побери!

Наваждение исчезло, как и появилось. Окончательно изнемогший «счастливец» свалился на подушку и словно полетел в пропасть.

— Дорогой товарищ! — услышал он голос, как с того света.— Да проснитесь же вы наконец.

Он проснулся. Часы на руке показывали шесть. В окна пробивался рассвет. Какие-то люди в комнате укладывали его вещи в чемодан, прибирали в комнате, тщательно заворачивали в газету чугунного коня...

— Дорогой товарищ, — пыталась втолковать ему женщина, ад-

министратор отеля, — по вине электронно-счетной машины произошла ошибка. Компьютер просчитался. Оказывается, вы не миллионный посетитель, а только 999 999-й. Миллионный только что прибыл и дожидается внизу комнаты, предназначенной для него.

— А где моя комната? — опасливо спросил не миллионный.

— Вы что, не читали объявления внизу? «Свободных номеров нет».

Перевел с болгарского
Н. ЛАБКОВСКИЙ

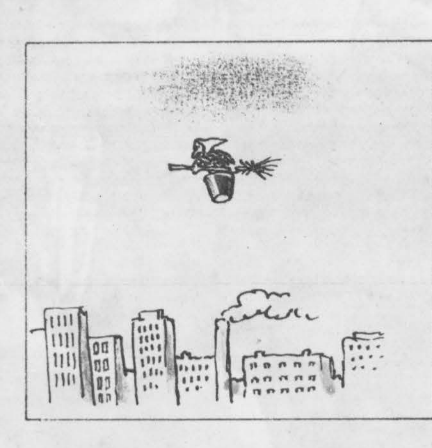

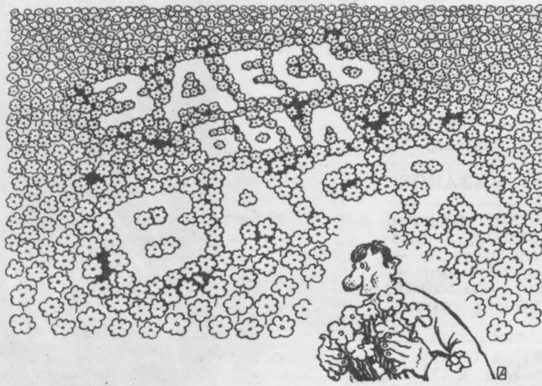

Рис. С. Тюнина.

Рис. В. Тамаева.

Здесь был Вася.

Рис. А. Орехова.

Рис. О. Теслера.

Юмор

КРОССВОРД

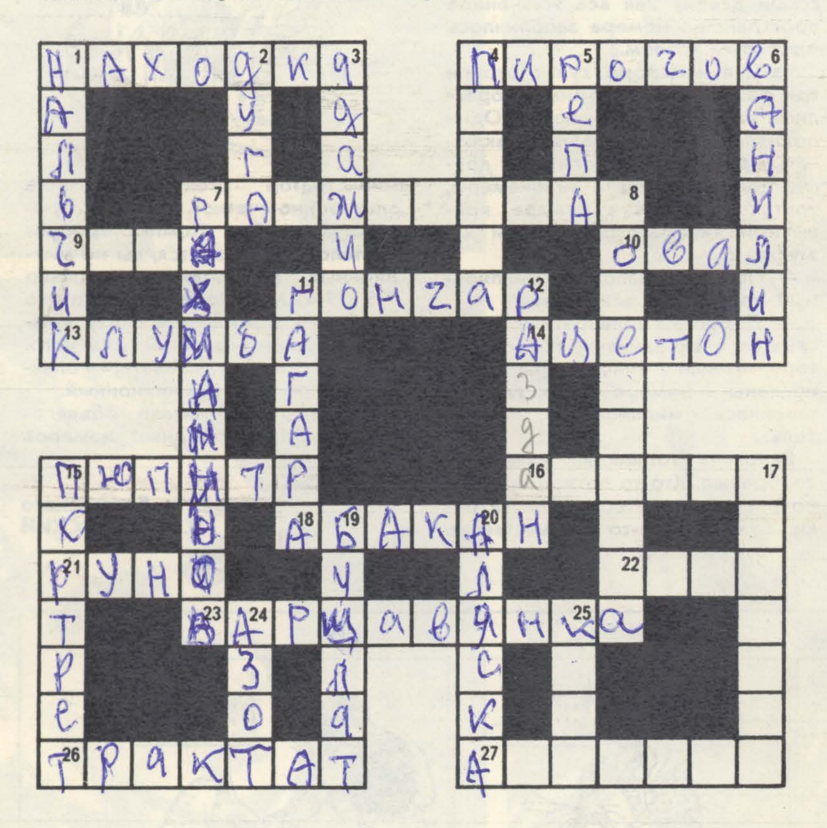
По горизонтали: 1. Персонаж романа М. Горького «Мать». 4. Русский хирург XIX века. 7. Штат в Индии. 9. Земляной миндаль. 10. Выпуклая замкнутая линия, эллипс. 11. Украинский советский писатель, Герой Социалистического Труда. 13. Цветник. 14. Растворитель в производстве лаков. 15. Подставка для нот. 16. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 18. Приток Енисея. 21. Шерсть овцы. 22. Хищный зверь. 23. Революционная песня. 26. Научное сочинение. 27. Звезда в созвездии Скорпиона.

По вертикали: 1. Столица АССР. 2. Часть окружности. 3. Медленный темп в музыке. 4. Рыба семейства карповых. 5. Овощ. 6. Душистое вещество, используемое в пище. 7. Русский композитор, пианист, дирижер. 8. Небольшая музыкальная пьеса. 11. Полярная водоплавающая птица. 12. Река в Армении. 15. Повесть Н. В. Гоголя. 17. Фламандский живописец. 19. Форменная матросская куртка. 20. Полуостров в Северной Америке. 24. Химический элемент, газ. 25. Полоска, обрамляющая рисунок, таблицу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 1. Телетайп. 4. Чапаевка. 7. Демокрит. 9. Проспект. 10. Тактика. 11. Ватрушка. 13. Ресторан. 15. Шахматы. 17. Иллюстрация. 18. Станина. 20. Шиповник. 22. Канистра. 25. «Обломов». 28. Мансарда. 29. Трамплин. 30. Макеевка. 31. Несессер.

По вертикали: 1. Топорков. 2. Ландшафт. 3. Патронташ. 4. Чебоксары. 5. Ваттметр. 6. Амундсен. 8. Танк. 9. Пони. 12. Шагинян. 14. Сенявин. 16. Метан. 18. Сковорода. 19. Аквамарин. 20. Шлагбаум. 21. Питомник. 23. Тарантас. 24. Антиквар. 26. Лиза. 27. «Март».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ирочка...

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ташкентская весна. Выращены тюльпаны для фирмы «Цветы Ташкента». * Цветет миндаль.

Фото Г. Копосова, В. Сваричевского

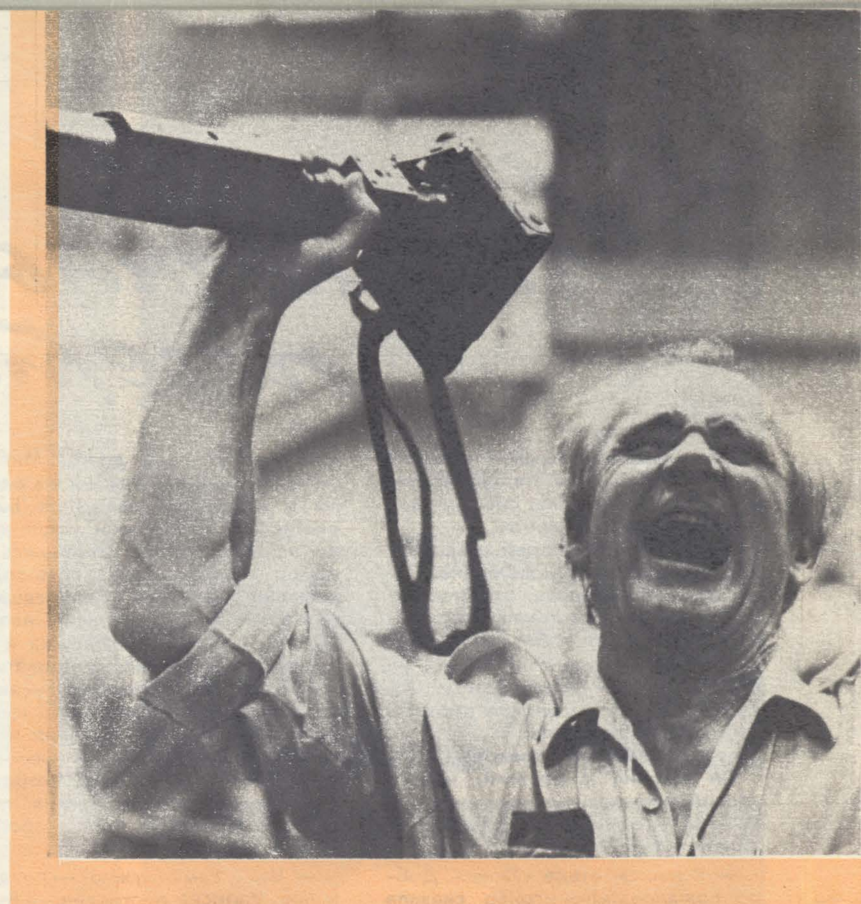
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

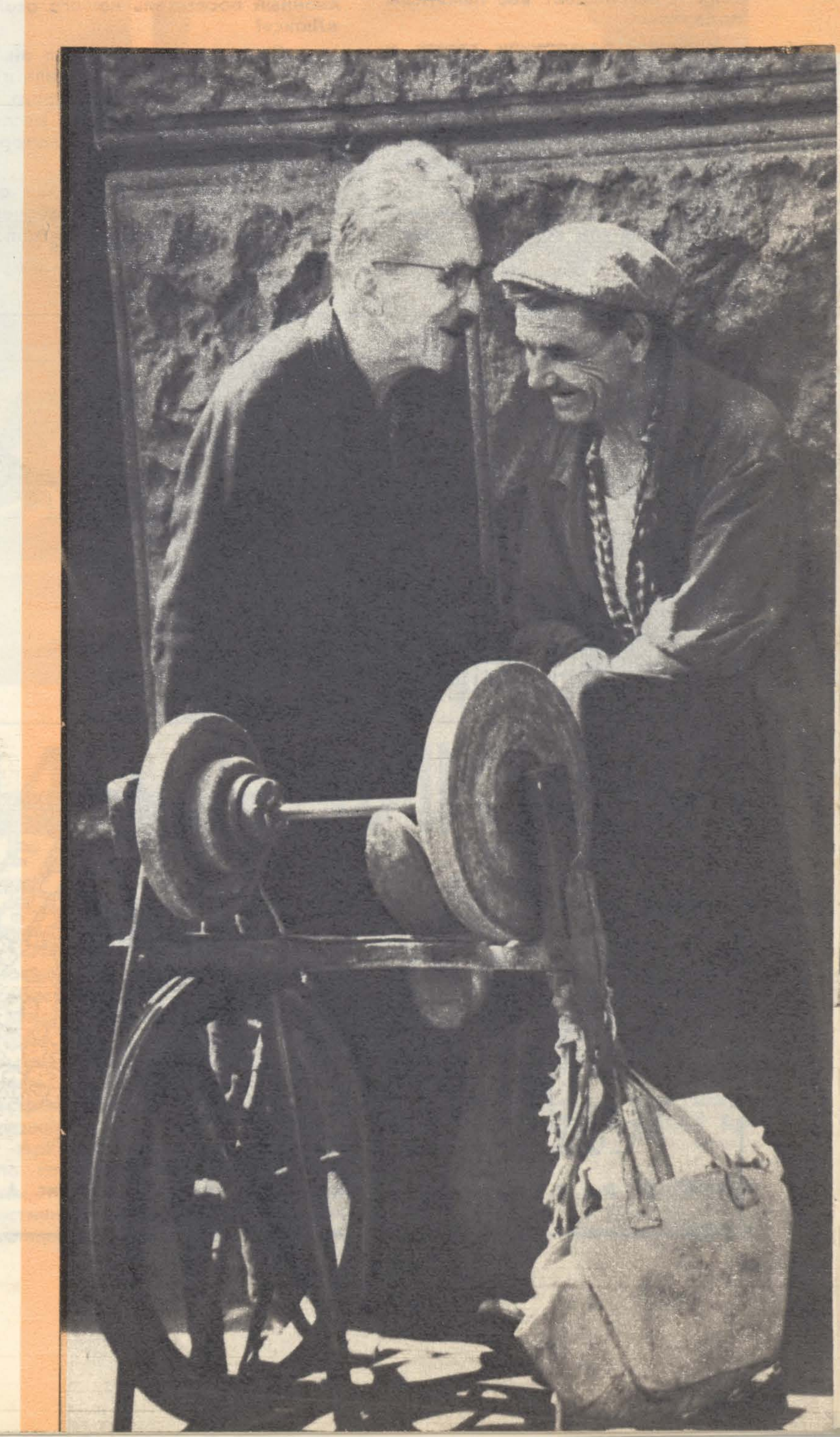
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

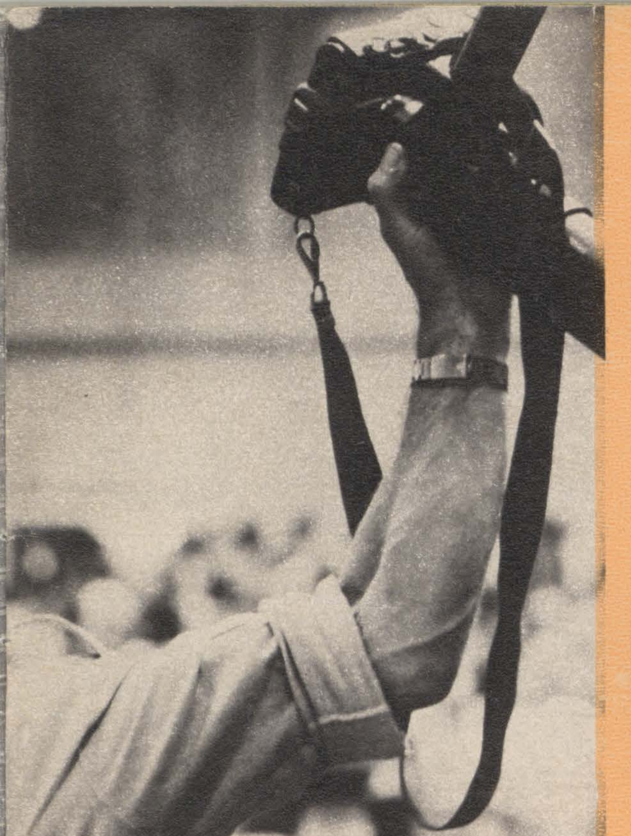
Сдано в набор 10.04.81. Подписано к печати 27.04. 81. А 00366. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1044. Заказ № 417.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ОСТАН

◄
— Гол!
Фото Ю. Абрамочкина

Не хватило одной верблюжьей силы. Фото Ю. Лушина

ОВИ МГНОВЕНИЕ

Пришла воды напиться. Фото Н. Данилова

Есть что вспомнить. Фото Л. Грубинскаса

Жарко.
Фото Э. Эттингера

◄
Задушевный разговор.
Фото Б. Бабанова

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663